Илья Ильф, Евгений Петров.

Водевили и киносценарии

Собрание сочинений в 5 томах. Том 3. Издательство “Художественная литература”. Москва, 1961

OCR, проверка - Читальный зал -

СИЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Стасик Мархоцкий - жених.

Ната Мархоцкая-Лифшиц - невеста.

Лифшиц - первый муж Наты.

Рита - ее сестра.

Мама.

Чуланов - молодой пижон.

Бернардов - член горкома писателей.

Мархоцкий - папа Стасика.

Справченко - доктор, лечит буриданом,

Гости:

Антон Павлович

Лев Николаевич

Сегедилья Марковна

Молодой человек

Девушки

Мистер Пип - прекрасно одетый иностранец.

Московская комната. Идут приготовления к свадебному пиру.

Мама и Рита хлопочут у стола.

Рита. Водки, безусловно, не хватит. Три бутылки на пятнадцать человек! Это не жизнь, мама!

Мама. Рита, ведь не все же пьют!

Рита. Именно все, мама! Бернардов пьет, Чуланов пьет, Сегедилья Марковна пьет, доктор, вероятно, тоже пьет…

Мама. А будет доктор? Мне что-то не верится. Лечить таким неприличным способом, этим ужасным буриданом…

Рита. Оставьте, мама! Теперь все это впрыскивают! Значит, доктор, очевидно, пьет. Лев Николаевич и Антон Павлович пьют, как звери. Стасик пьет…

Мама (в ужасе). Стасик пьет?

Рита. Как конь!

Мама. Боже мой, Рита, что за выражение! Нет, это для меня ужасная новость - Стасик пьет! Такой приличный, нежный молодой человек!

Рита. На месте Наты я никогда не вышла бы второй раз замуж. Лифшиц гораздо лучше Стасика!

Мама. Да, но Лифшиц почти еврей, Риточка, - караим!

Рита. Надо, мама, смотреть на вещи глубже. Караим - это почти турок, турок - почти перс, перс - почти грек, грек - почти одессит, а одессит - это москвич!

Мама. Я не против греков, но у Стасика большая комната!

Рита. Все равно противно! Менять мужа из-за комнаты!

Мама. Но какая комната!

Рита. Но какой муж… Нет, водки положительно не хватит! Если я выйду замуж, то только за иностранца. Поехать с ним за границу! Так хочется еще разок пожить в буржуазном обществе, в коттедже, на берегу залива, с иностранцем!.. Кстати, иностранец, наверное, тоже пьет! Скандал! Нечего пить, нечего лопать!

Мама. Господи боже, где ты научилась таким словам?! Лопать!.. Молоденькая девушка!

Чуланов. (вбегает, молча сует маме рыбу и тотчас же бросается к телефону. Во время разговора вынимает из кармана разные припасы и бутылки. Часть слов произносит в трубку, часть обращает к Рите). АТС! (Декламирует.) АТС своею кровью начертал он на щите… Рита, я - гений. Бе один ноль один одиннадцать. Да, Замоскворечье. Вот баклажаны. Это кардонахи из закрытого. Алло! Можно мистера Пипа? Рита, Пип - это мировой иностранец! Только вчера приехал. Мировые свинобобы. По блату. Алло! Мистер Пи…! Что? Куда уехал? Позвольте, ведь я с ним условился… Вот это уже нахальство! (Вешает трубку.)

Рита. Что случилось?

Чуланов (гробовым голосом). Случилось самое худшее! Мистера Пипа увели. В последнюю минуту утащили на вечеринку к Поповым. Знаете, к тем Поповым?

Рита. (ледяным тоном). Значит, иностранца не будет?

Чуланов. Ей-богу…

Рита. Тогда уходите отсюда.

Чуланов. Дайте мне сказать! Сейчас не сезон, уверяю вас - не сезон! Недостаточное количество интуристов. Ей-богу, нехватка иностранцев! Скажи вы мне две недели назад, я бы вам привел сколько угодно. Тут их был целый пароход. Четыреста парламентариев. Как огурчики! Все в смокингах, блек энд уайт! А сейчас нету. Я уже ходил в “Националь”, там у меня знакомый швейцар, и он тоже говорит, что нету. Лучше я вам Утесова приведу. У меня есть друг, который здорово знает Утесова. Он его уговорит. Представляете себе, что это будет? Утесов на свадьбе! (Трусливо напевает.) “Пока-а-а, пока-а-а… Уж ночь недалека. Пока-а…”

Рита. Пока вы не приведете иностранца, я с вами не буду разговаривать!

Чуланов. (подумав). Я люблю вас, Рита!

Рита. Это что, объяснение?

Чуланов. Да.

Рита. Откладывается!

Чуланов. Но ведь это волокита, бюрократизм. Я буду жаловаться!

Рита. Кому? Купидону? Я вообще… я выйду замуж только за иностранца!

Чуланов. А я?

Рита. Вы не иностранец.

Чуланов. Что же, я, по-вашему, камаринский мужик? Если хорошо

разобраться, я тоже иностранец. (Кипятится.) Что у меня общего с советским государством? Рассматривайте меня как представителя капиталистического общества.

Рита. Хорош представитель! Не может исполнить просьбы любимой девушки.

Чуланов. (хватает шапку). Для вас я готов на все! Смотрите, я приношу себя в жертву! Смейся, паяц… Иностранец будет!

Рита. А патефон?

Чуланов. Принесет Бернардов. Я сделаю все, а потом повешусь, Рита. От любви умирают. (Уходит. В дверях.) На мой взгляд, водки не хватит! (Уходит.)

Мама. Напрасно ты его так. Он вполне приличный молодой человек.

Рита. У вас все приличные… Вина достаточно, но водки, безусловно, не хватит!

Мама. Где же Ната и Стасик? Пора уже им вернуться…

Чуланов. (входя). Граждане, на лестнице стоит Лифшиц!

Рита. Лифшиц?

Чуланов. Да, Исачок Лифшиц, первый муж. Стоит на лестнице темный-темный.

Мама. Боже мой, только этого не хватало! Что будет? Сейчас Стасик и Ната приедут из загса, и если они столкнутся… Это ужасно!.. Какой у него вид?

Чуланов. Я же вам говорил. Стоит бледный-бледный…

Мама. Он ее убьет! (Ломает руки.) Он караим, все караимы ревнивы…

Рита. Ну да. Караимы почти турки, турки почти мавры, а мавры, сами знаете…

Звонок.

Чуланов. Это он!

Мама. Надо что-то сделать. Уговорите его как-нибудь.

Рита. Чуланов, дорогой, пойдите на лестницу, повлияйте на него…

Пронзительный звонок.

Чуланов. Стоит ли? Ну что я ему скажу? Ведь я не оратор, не Максим Горький…

Рита. Да-а… Вы далеко не оратор.

Чуланов (плачущим голосом). Если бы я был военным, тогда другое дело. Но ведь я штатский, тихий. Это дело милиции - бороться с проявлениями ревности и другими видами бытового хулиганства. (Смотрит на Риту.) Хорошо. Смейся, паяц! Я иду. (Торжественно подвигается к двери.) Прощайте! (Сильный стук в дверь. Чуланов отскакивает назад.)

Рита. Не открывайте дверь! (Звонок.) Нет, лучше откройте! Повлияйте на него.

Чуланов. Лучше вы откройте. А я на него потом повлияю.

Рита. (презрительно). Иностранец! (Открывает дверь.)

Бернардов. (входит с патефоном). Граждане, на лестнице стоит Лифшиц!

Мама. Почти мавр!

Бернардов (мельком взглянув на стол). Граждане, водки не хватит!

Рита. Подождите, что он сказал?

Бернардов. Он сказал, что пришел за Натой.

Мама. Какое нахальство! Вы объяснили ему, что Ната выходит замуж за Стасика?

Бернардов. Объяснил. Но он говорит, что плевал на это.

Рита. А вы ему что?

Бернардов. Да ничего. Я в конце концов только гость. Я ему сказал, что все-таки неудобно - свадьба. А он сказал, что еще всем покажет!

Мама. Так и сказал?

Бернардов. Так и сказал. Я уже стал побаиваться за свой патефончик.

За дверью начинается возня. Слышен все возрастающий шум борьбы и неясные голоса.

Чуланов. Ну, Риточка, я побежал за иностранцем. Спокойно, спокойно, через черный ход! (Поспешно уходит.)

Дверь распахивается, и в комнату влетает сначала Стасик, а потом Ната. У Наты шляпа съехала набок. Стасик слегка помят.

Стасик. Это просто какая-то западня!

Ната. (бросается на шею маме, плачет). Мама! Мамочка!..

Мама. Что случилось? Он тебя оскорбил?

Ната. Хуже!

Мама. Он тебя ударил?

Ната. Ах, мамочка… (Плачет.) Хуже!

Мама. Что же он сделал, этот негодяй?

Ната. Он меня поцеловал!

Стасик. Просто какое-то хулиганство! (Поправляет на себе костюм.) Жалею, что не спустил его с лестницы! Таких типов надо штрафовать!

Рита. (Стасику). Ну, ничего. Я так рада, что все в конце концов обошлось благополучно, вы себе представить не можете!..

Стасик (обиженно). Почему ж я не могу себе представить? Что, у меня нет воображения? Или, может быть, я идиот?

Рита. Да нет, вы меня не поняли.

Стасик. Почему ж я не понял? Значит, я дурак, по-вашему?

Рита. Вы смеетесь надо мной.

Стасик. (обижается еще больше). Когда же я смеялся? Я не смеялся. Все могут подтвердить.

Рита. Ф-фу, зачем вы женились с таким нудным характером?

Стасик (степенно). Я женился, чтобы отрегулировать половой вопрос.

Рита. Вот дурак. (Отходит.) Нет, только за иностранца. Только за иностранца!..

Входит доктор Справченко.

Ната. Здравствуйте, доктор. Как я рада!

Доктор. Что это за молодой человек стоит на лестнице?

Ната. Это наконец невыносимо!

Стасик. Он дождется, что я спущу его с лестницы.

Доктор. Ну-с, позвольте поздравить с законным…

Входят Лев Николаевич и Антон Павлович.

Лев Николаевич. Что, не будет сегодня свадьбы?

Антон Павлович. Отменяется?

Стасик. Какая чепуха!

Лев Николаевич. Мне только что сказал Лифшиц, что свадьбы не будет.

Антон Павлович. Он тут стоит на лестнице.

Стасик. Нахал и сволочь!

Лев Николаевич и Антон Павлович. Тогда разрешите поздравить… Наталья Викторовна (чмок, чмок). Станислав Александрович… Мамаша (чмок, чмок). Хорошо, что не отменили… Это вся водка? Не хватит…

Входят Сегедилья Марковна и две девушки с молодым человеком.

Сегедилья Марковна. Дорогая Наточка! (Целуются.) Лнфшиц просил меня передать вам записку. Он тут, на лестнице. (Здоровается с остальными гостями.)

Стасик (вырывает у Наты записку, читает и разрывает в клочки). Ну, он у меня дождется, что я спущу его с лестницы.

Ната (Стасику). Ты не представляешь, до какой степени он меня любит.

Стасик. Почему же я не представляю? Что я, дегенерат?

Ната (доктору). Это верно, доктор, что вы делаете буквально чудеса?

Доктор. Буквально - нет, но вообще, так сказать, бывают разные случаи.

Ната (утирая слезы). Скажите, доктор, вы много зарабатываете в переводе на золото?

Доктор. В переводе на золото н-нет… но вообще…

Сегедилья Марковна. Доктор, я тоже хочу впрыскивать буридан. Мне можно?

Доктор. Вам? Вообще нет, но в общем… можно.

Бернардов. Скажите, доктор, вот я, например, член горкома писателей. Я хотел бы узнать, как впрыскивание влияет, если можно так выразиться, на специфику творчества? Улучшает ли это качество писательской продукции?

Доктор. Качество? Н-нет. Количество? Да, пожалуй.

С черного хода появляется Чуланов, останавливается у двери.

Чуланов (таинственно). Рита! Рита (подходит). Ну что, есть иностранец?

Шум на лестнице.

Чуланов. Что это?

Рита. Это Лифшиц. Ну, как иностранец?

Чуланов (сконфужен). Есть. Я его оставил на кухне.

Рита. Что за глупости! Это неудобно. Зовите его скорей сюда!

Чуланов. Ноя должен вас предупредить… Он, хотя и иностранец, но, знаете, не европеец…

Рита. А кто же?

Чуланов (мнется). Так, один дипломат. Он очень любит белых женщин.

Рита (радостно). Японец?

Чуланов (запинаясь). Японец.

Рита. Из посольства?

Чуланов. Да, в общем, из посольства. По должности приравнен к коммерческому атташе. Очень интеллигентный человек. Окончил три университета. Или четыре. Ей-богу! Два в Токио и два в Манчжоу-Го. Но у него есть одна маленькая странность. Так, чепуха - причуда дипломата. Вы, главное, не обращайте внимания. Он, понимаете, любит поговорить о крахмальных воротничках, о манжетах, о каких-то сорочках… Ничего не поделаешь, этикет обязывает.

Рита (нетерпеливо). Где он?

Чуланов. Ей-богу, Рита, я сделал все возможное! (Открывает дверь. За ней стоит, застенчиво улыбаясь, человек.)

Рита. Чуланов!

Чуланов. Что?

Рита. Это не дипломат.

Чуланов. Дипломат. Клянусь честью!

Рита. Это не японец.

Чуланов. Ей-богу, японец!

Рита. Это китаец.

Чуланов. Японец из посольства.

Рита. Китаец из прачечной.

Чуланов (плачущим голосом). Я же вам говорил, что сейчас не сезон!

Рита (выпихивая Чуланова). Уходите и без иностранца не возвращайтесь! И чтоб он был настоящий. Европеец. Париж. Понимаете? (Напевает.) “Су ле туа де Пари”, та-ра-рам-там-там-там.

Чуланов (понимающе). Та-ра-рам-там-там-там…

Рита. Вот, вот, та-ра-рам.

Чуланов (решительно). Смейся, паяц, над разбитой… Так и быть! Пойду к Поповым на вечеринку и уведу от них Пипа.

Рита. А этот мистер Пип не какой-нибудь такой?

Чуланов. Ну, он знаете какой! Только вчера приехал из Филадельфии. А водки хватит? Смотрите. (Уходит через черный ход.)

Мама. Что ж, Риточка, раз нет иностранца, будем садиться за стол.

Гости рассаживаются, поднимают бокалы. Торжественная пауза.

Доктор (собираясь произнести тост). Ну…

Оглушительный стук в дверь. Все испуганно пригибаются, как от

снаряда.

(Ставит бокал на стол.) Нет, так нельзя. Я пойду с ним поговорю.

Уходит. Все напряженно ждут. Доктор возвращается с чрезвычайно недовольной физиономией.

Ната. Ну, что?

Доктор (растерянно подкручивая усы). Да это просто мерзавец!

Садится на место. Все поднимают бокалы. Снова грохот. Гости опять пригибаются.

Лев Николаевич. Морду надо бить, вот что! Идем, Антон Павлович.

Антон Павлович (снимает пиджак). Не пейте без нас. Мы сейчас вернемся. Пошли, Лев Николаевич. Дадим ему дыни. (Уходят.)

Гости ждут в молчании. Пауза. Хлопает дверь. Полная тишина. За дверью возникает шум короткой бешеной схватки. Опять тишина. Входят, шатаясь, Антон Павлович и Лев Николаевич.

Лев Николаевич. Чего же вы его не держали?

Антон Павлович. Как я мог его держать, когда вы сами его выпустили?

Лев Николаевич. Я его выпустил? Это вы его выпустили.

Антон Павлович. Из-за вас он меня чуть не задушил. Безобразие! На площадку выйти нельзя.

Садятся за стол под равномерный стук. Очевидно, страшный Лифшиц лягает дверь ногами.

Мама. Хоть бы граммофон завести.

Бернардов заводит патефон, и пир начинается под музыку и стук.

Лев Николаевич. Советую присматривать за водкой, Антон Павлович. Ее не хватит. Так всегда бывает.

Антон Павлович (наливает себе и Льву Николаевичу). В таком случае не будем терять драгоценного времени. (Громко.) Здоровье новобрачных! (Быстро пьет и снова наливает.) Здоровье присутствующих!

Пьют, наливают.

Здоровье хозяйки дома!

Пьют, наливают.

За будущее потомство новобрачных!

Пьют, все это проделывают со сказочной быстротой.

Мама. Что ж это вы, господа? Мы еще и налить не успели, а вы… Так нельзя.

Лев Николаевич (не обращая внимания, поднимает новый бокал). За счастье человечества! Верно, Антон Павлович?

Антон Павлович. Верно, Лев Николаевич.

Пьют.

За человечество! Черт с ним!

Доктор (косясь на гостей). Да, я вижу, тут времени терять нельзя! (Выпивает подряд четыре рюмки. Пятой чокается с Сегедильей Марковной.)

Сегедилья Марковна. Доктор, я обязательно хочу впрыскивать себе и моему мужу буридан. Мне рассказывали чудеса. Одна моя знакомая дама чувствовала такой упадок сил, что последний год почти совсем не выходила из дому. И, знаете, после двух впрыскиваний буридана она совершенно преобразилась - пошла на рынок, продала пальто мужа и купила замечательные заграничные бусы.

Доктор. Да, буридан дает поразительный эффект. Приходит ко мне одна старушка, лет шестидесяти. Ну, конечно, старческая слабость, хирагра, маразм… Ну, я ей сейчас же… (Звуками и жестами изображает

впрыскивание.) Второй раз… (Изображает.) А вчера встречаю на улице - бежит куда-то со всех ног хлопотать. Что такое? Лишили пенсии. Не верят, что шестьдесят лет. Говорят - двадцать. Молодость вернулась!

Сегедилья Марковна. Доктор, вы маг и волшебник! Маг и волшебник!

Девушка. Я упиваюсь этим фактом!

Доктор (косится на Льва Николаевича и выпивает несколько рюмок подряд). Да-а… Приходит еще одна старушка, лет восьмидесяти. Зубов нет, волос нет, ни черта нет… Ну, я ей… (Изображает троекратное впрыскивание.)

Девушка. Я упиваюсь этим фактом!

Входит Александр Витольдович Мархоцкий.

Доктор. Это кто ж такой?

Рита. Представьте себе, не знаю.

Доктор. А вот я ему сейчас… (Изображает впрыскивание, пытается встать, его удерживают.)

Стасик (изумленно). Папа!

Мархоцкий. Здравствуй, Станислав. С трудом нашел эту квартиру. Хорошо, что на площадке стоит какой-то милый молодой человек, он мне показал. Ну, рад видеть тебя на свободе. Здравствуйте, товарищи. (Общий поклон.) Где твоя молодая? Пора, пора познакомиться. Ага! (Галантно целует руку Наты.) Очень, очень рад. Я, знаете, несколько отвык от дамского общества. (Знакомится с гостями.) Мархоцкий, Мархоцкий, Мархоцкий…

Ната (Стасику). Ты мне даже не говорил, что у тебя есть папа. Где он живет?

Стасик. Сейчас, сейчас. (Отводит отца в сторону.) Как ты сюда попал, папа?

Мархоцкий. Мне дали отпуск на сегодняшний вечер. Дело в том, что мое положение значительно улучшилось и меня стимулируют различными льготами.

Стасик (ошеломленно). Значит, ты пришел с конвойным?

Мархоцкий. Ты ужасно отстал. Какой там конвойный! Ты даже не представляешь себе, что такое современная пенитенциарная система.

Стасик (нудно). Почему ж я не представляю? Что я, осел или кретин какой-нибудь? И потом - дело вовсе не в системе. О том, что ты сидишь в тюрьме, никто не знает. Что подумают Ната, гости! Наконец, ожидается иностранец. Нет, я прошу тебя уйти куда-нибудь.

Мархоцкий. Куда ж я денусь? У меня отпуск до двенадцати часов.

Стасик. Ну, походи по улицам. Тебе ж это должно быть интересно.

Мархоцкий (печально). Ты меня гонишь, Стась?

Стасик. Вот несчастье… Оставайся. Но очень тебя прошу - ни слова об этом печальном факте.

Мархоцкий (оживляется, бодро подходит к столу). Какая роскошная передача!

Стасик. Папа!

Мархоцкий (садится рядом с Натой). Какое очаровательное соседство! Отвык, совсем отвык! У нас, знаете, женский… то есть дамский корпус расположен изолированно от мужского…

Стасик. Папа!

Ната. Я не совсем понимаю. Где? Почему изолированно?

Стасик (сухо). Папа приехал из санатория…

Ната. Я мечтаю отдохнуть в санатории.

Бернардов. Простите, вы как устроились в санаторий, по путевке или по

блату?

Мархоцкий. Как вам сказать… Видите ли, когда за мной пришли…

Стасик. Папа!

Мархоцкий (пьет). Да, по путевке.

Бернардов. И приличный санаторий?

Мархоцкий. Мало сказать - приличный. Иностранцы приезжают - восхищаются. Заходишь в изолятор…

Стасик. Папа!

Мархоцкий. И вы знаете, люди выходят оттуда совершенно преобразившиеся. Ну, не узнать, просто не узнать…

Ната. Прибавляют в весе?

Мархоцкий. Что? В весе? (Пьет.) Кто это там стучит?.. Да, в весе тоже. Но главное - это изменение психики. Культработа ведется громаднейшая. А какой там зубоврачебный кабинет! Я вставил себе все зубы. (Показывает.) Времени, знаете, много, почему не вставить. На свободе никогда не успеваешь подумать о зубах, а у нас…

Стасик. Папа, я же просил…

Бернардов. Сколько стоит путевка?

Мархоцкий. Ничего не стоит, все даром. Недавно меня даже брюками стимулировали, и тоже даром. Кто это там все время стучит?

Рита. Не обращайте внимания!

Бернардов. Это здорово! Без копейки расходов! У вас путевка на месяц?

Мархоцкий. Милый! На три года…

Ната. Видишь, Стасик, твой папа так хорошо устроился, а ты просто шляпа!

Бернардов. Я вас прошу, устройте и меня, пожалуйста!

Гости (хором). И меня! И меня!..

Мархоцкий (польщен всеобщим вниманием). Я, конечно, сделаю все возможное, хотя я, так сказать, не главный, но как поправляющийся заключенный… то есть исправляющийся больной…

Стасик. Папа, я наконец умоляю…

Мархоцкий. У нас на прогулке…

Стасик. Папа!

Мархоцкий. Оставь меня, м-мещанин!

Сегедилья Марковна (Стасику). Вы и понятия не имеете, как далеко шагнула сейчас санаторная система.

Стасик (обижается). Почему ж я не имею понятия? Все имеют, а я один не имею. Ну, что это такое!

Телефонный звонок.

Рита (берет трубку). Это я. Везете? В такси? Слава богу! Скорее! Нет, Лифшиц не ушел. Все время ломится в квартиру. Прямо не знаю, что будет. Позор. Придется с черного хода. Вот страна! (Вешает трубку.) Сейчас будет мистер Пип. Лев Николаевич, голубчик, Антон Павлович, доктор, Сегедилья Марковна, девочки, как вам не совестно, оставьте немного водки для мистера Пипа… Бернардов, просят же… Заведите лучше патефон. Предлагаю сейчас танцевать, а когда приедет мистер Пип, опять сядем ужинать… (Мечтательно.) Когда приедет мистер Пип… (Танцует с Бернардовым. Весь последующий разговор ведется во время танца.)

Бернардов. Не понимаю, почему девушкам так нравятся иностранцы?

Рита (напевая). Когда приедет мистер Пип…

Бернардов. Меня этот Пип интересует, поскольку я хочу купить у него

по дешевке костюм. Знаете, я так морально устал без костюма…

Рита. Вы прибедняетесь, Бернардов. Этот на вас тоже хороший. Сколько вы заплатили за него в переводе на золото?

Бернардов. В переводе не знаю. Я купил его в распределителе водников за шестьдесят пять рублей.

Рита. Разве вы водник?

Бернардов. Нет, я не водник. Я состою в горкоме писателей.

Рита. Вы писатель?

Бернардов. Нет, я не писатель. Я только обедаю в писательской столовой, а вообще я числюсь по Энкапээсу.

Рита. Ах, вы железнодорожник?

Бернардов. Нет, я не железнодорожник, я только получаю там бесплатный проезд по железным дорогам. А вообще-то я ближе всего к пожарному делу.

Рита. Вы тушите пожары?

Бернардов. Нет, я только получаю там молоко. Видите ли, пожарная профессия очень вредная для здоровья, и там выдают молоко. Так устаешь каждый день ездить с бидонами за этим молоком в Сущевскую часть… Честное слово, буду требовать, чтобы меня перевели в центр, в Кропоткинское депо.

Рита. Я вам сочувствую, каждый день в трамвае…

Бернардов. Как раз трамвай - это не страшно. Я езжу на передней площадке как член Моссовета.

Рита. Ах, вы член Моссовета?

Бернардов. Нет, я не член Моссовета, я только езжу как член Моссовета. Но, конечно, и это ужасно утомляет. И если бы не отдых в санатории

Совнаркома, я совсем бы выбился из сил.

Рита. Вы член правительства?

Бернардов. Да нет, я не член правительства. Я же вам объяснил. Я член горкома писателей по разряду гениев с правом бесплатно лечить зубы.

Рита. Значит, вы все-таки писатель?

Бернардов. Да ничего подобного! Полчаса вам объясняю, и вы не можете понять…

Внезапно грохот усиливается.

Стасик. Это все из-за тебя. Этот кошмарный стук срывает нам свадьбу.

Ната. Чем я виновата, что он меня так любит?

Девушка. Я упиваюсь таким фактом!

Рита. Нужно вступить с ним в переговоры. Бернардов, пойдите и спросите, что он наконец хочет.

Бернардов уходит. Все столпились у дверей и ждут. Стук, прекращается. Входит.

Бернардов. Он говорит, чтобы Стасик немедленно убрался отсюда к черту.

Стасик. Он, кажется, дождется того, что я спущу его с лестницы!

Мама. Скажите ему, что мы вызовем милицию.

Бернардов (уходит и возвращается). Он говорит, что никакая милиция в мире не помешает ему любить Нату… то есть вас, Наталья Викторовна.

Ната (польщена). Скажите пожалуйста.

Стасик. Вот видишь, что ты наделала своей дурацкой красотой! Сознайся, что это тебе нравится?

Ната. Убирайтесь вы все!

Стасик (Бернардову). Скажите ему, что я сейчас сброшу его с лестницы!

Бернардов (уходит и сию же секунду появляется в дверях с отчаянным криком). Лифшиц прорвался!..

Общество издает вопль. Дамы со Стасиком отскакивают от двери. Мужчины бросаются на помощь Бернардову. Они наваливаются на Лифшица так, что зрители не успевают даже его заметить. Из человеческих тел образуется шар, катающийся по сцене. Наконец шар выкатывается за дверь. Крики: "Держите дверь! Не пускайте! Палец! Палец!" С черного хода входит Чуланов, таща под руку мистера Пипа.

Чуланов. Рита, вот он. Что я претерпел! Видите, мадам Попова маникюром по щеке. Это когда я его уже тащил по лестнице. Ну, ничего, я ей тоже ногой… Рита, познакомьтесь, пожалуйста, мистер Пип.

Рита. Гав-дью-ду, мистер… (Запинается.)

Чуланов. Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Он прекрасно говорит по-русски. Говорите, мистер Пип.

Пип. Здравствуйте, барышня.

Из передней, тяжело дыша, возвращаются мужчины.

Эти люди перетаскивали рояль?

Рита. Разрешите вам представить - мистер Пип, европеец.

Знакомство.

Чуланов (сияет). Ну как? Настоящий? А? "Су ле туа де Пари", та-ра-рам-там-там-там…

Рита (благодарно). Настоящий. Та-ра-рам-там-там-там…

Чуланов. Вот, вот, та-ра-рам. А как будет со мной? Я же вас люблю.

Рита. Потом, потом.

Все грубо рассматривают иностранца, который вертится и застенчиво улыбается.

Бернардов (щупает костюм гостя). Настоящая полушерсть!

Девушка. Скажите, какая погода сейчас за границей?

Сегедилья Марковна. Познакомьтесь с доктором.

Доктор, пошатываясь, кланяется и производит звук, изображающий впрыскивание.

Рита. Граждане, товарищи… (Легонько отстраняет гостей.)

Бернардов. Скажите, мистер Пип, вы не продадите мне свой костюм?

Рита берет Пипа под руку и отводит его в сторону. За ними идут все гости во главе с Чулановым. Лев Николаевич и Антон Павлович дремлют за столом.

Рита. Ю спик инглиш?

Чуланов. О чем вы его спрашиваете? Слава богу, не тульский мужик. Конечно, говорит по-английски. И по-русски говорит.

Бернардов. А галстук вы не продадите? Если б вы мне продали костюм, то этот галстук как раз к нему подошел бы.

Рита (пытается увести иностранца). Мне так давно хотелось поговорить с человеком европейской культуры.

Ната (берет Пипа под другую руку. Кокетливо). Отчего вы такой грустный?

Бернардов (перебивает). Если б вы мне продали ваши ботинки, они бы чудно подошли к этому костюму и галстуку. Продайте!

Чуланов. Не напирайте на человека все сразу. Он даже ответить не успевает. Что вам нужно, Сегедилья Марковна? Румбу? Уже не танцуют. Это он мне еще в такси сказал. Дальше?

Мархоцкий. Скажите, как у вас там, на Западе, пенитенциарная система?

Чуланов. Это неинтересно. Дальше!

Голоса. Спросите его… А пусть он скажет… Как насчет…

Общий шум.

Чуланов. Подождите! Подождите! Зачем он приехал? Сейчас спрошу. Ваши новые друзья, мистер Пип, хотят узнать, что вы собираетесь у нас делать?

Пип. Я приехал сюда искать работу, джентльмены.

Рита. Что? Что он сказал, Чуланов?

Пип. Я не имею на жизнь, джентльмены… (Улыбается.) Но я вижу, что я имею много хороших друзей…

Бернардов (отходит к столу). Явно отрицательный тип.

Чуланов поспешно отходит к столу. За ним гонится Рита.

Рита. Я вам этого никогда не прощу!

Чуланов. Что я могу сделать, Риточка? Дитя кризиса. Ну, кризис, понимаете - мировой кризис. Я не виноват. Еще Маркс говорил, что так будет. Марксу вы наконец верите?

Рита (подавленная аргументами). Все равно вы свинья.

Гости беспеременно покидают Пипа и садятся за стол. Пип остается один в стороне.

Мархоцкий (наливает). Что за чепуха! Давайте лучше выпьем за пенитенциарную…

Стасик. Папа!

Мархоцкий. Молчи, щенок!

Доктор. (пьет). Темное это дело - буридан. Абсолютно темное. Никто не вылечивается. Наоборот, умирают!

Сегедилья Марковна. Доктор, что вы?

Доктор. (передразнивает). Что я! Что я! Бросьте вы эти цуцели-муцели… Маг и волшебник… Шарлатан я. Шар-ла-тан! Не нравится? А мне, вы думаете, нравится?

Пип подходит к столу, хочет сесть, но все места заняты. Он даже пытается раздвинуть чьи-то плечи, но это ему не удается.

Пип. (улыбаясь). Тут, кажется, свадьба? (Молчание. Гости пируют.) Там кто-то стучит. (Молчание.) Там очень сильно стучат. Нужно открыть.

Бернардов. Слушайте, Пип, не путайтесь вы, пожалуйста, под ногами!

Пип ошеломленно улыбается и отходит в сторону.

Мархоцкий (держит речь). В конце концов, Стасик, это хорошо, что ты женился. Через месяц я выйду из тюрьмы…

Стасик. Папа! Это наконец черт знает что…

Мархоцкий. Не мешай! Будем жить все вместе… Я буду нянчить внучат…

Ната. Что он говорит? Какая тюрьма? Кого нянчить? Он будет жить вместе с нами? В одной комнате?

Стасик. Успокойся, Ната. Это… это недоразумение! Папа, я прошу вас немедленно отсюда уйти.

Мархоцкий. Что? С кем ты говоришь, болван?

Стасик. (вне себя). Папа, вон отсюда!

Мархоцкий (встает, шатается). Скорей, Скорей! Вон из этого ада! Назад, в тюрьму! (Бежит к выходу, за ним молча устремляется мистер Пип.)

Ната. Ты от меня все это скрыл!..

Стасик. Какие мелочи, Наточка…

Ната. Ты даже не представляешь себе, какой ты негодяй!..

Стасик. Почему я не представляю? Что, у меня нет воображения?

Ната (решительно). Зовите Лифшица!

Чуланов выбегает. Открывается дверь, наступает триумф Лифшица. Он идет, маленький, хилый, с бледным одухотворенным лицом. Гости выстроились шпалерами.

Лев Николаевич (просыпается, кричит). Горько!

Лифшиц и Ната целуются. Чуланов воровато целует Риту. Общий шум.

Антон Павлович. (просыпаясь). Горько! За великое чувство любви! Ура!

Мама. Вот говорили - водки не хватит, а все перепились!..

Занавес

1933

Сильное чувство. - Впервые опубликован в журнале “30 дней”, 1933, э 5.

Современная критика отмечала черты сходства водевиля “Сильное чувство” с водевилем А.П. Чехова “Свадьба”.

”Водевиль “Сильное чувство” - вариант чеховской “Свадьбы”, в котором роль генерала играет иностранец” (А.Роскин, “Мастера фельетона”, “Художественная литература”, 1935, э 8, стр. 7).

В “Сильном чувстве” Ильф и Петров вновь обращаются к теме сатирического разоблачения мещан и обывателей, низкопоклонствующих

перед всем иностранным. Классический образ Эллочки Щукиной, возникший в романе “Двенадцать стульев”, был первым в целой галерее молодых “людоедов”, подобных Рите и Чуланову, которых сатирики не раз обличали в своих произведениях: Ильф в фельетоне “Молодые дамы” (1929), Петров - в фельетоне “День мадам Белополякиной” (1929), вместе они в повести “Светлая личность” (1928), где появляется семейство Браков, которое, как и “общество” из водевиля “Сильное чувство”, умело “жить и веселиться по-заграничному”, а за чайным столом говорить о новой заграничной моде “пудриться не пудрой, а тальком”.

Печатается по тексту Собрания сочинений в четырех томах, том III, “Советский писатель”, М. 1939.

СЦЕНАРИЙ ЗВУКОВОГО КИНОФИЛЬМА

Молодой парижский служащий просыпается в своей комнате в тот сумрачный час, когда люди готовятся идти на работу.

Первый взгляд его падает на календарь. 13 число. Плохая примета. Он переводит взгляд. Пятница. Еще хуже.

Хмурый, он подымается с постели и уже с ужасом замечает, что встал с левой ноги. День не предвещает ничего доброго.

Он выходит на улицу. Плохие приметы обрушиваются одна за другой: кошка перебегает дорогу, навстречу идет священник, похороны преграждают путь.

Служащего пугает это невероятное стечение примет.

Он спускается в метро. Покупает газету.

Входит в вагон. Садится. Закрыв глаза, гадает на пальцах. Снова неудача - пальцы не сходятся.

В полном отчаянии разворачивает газету и видит, что выиграл пять

миллионов франков.

Вынимает билет. Сравнивает. Все правильно. Вытаращив глаза, он смотрит то на газету, то на билет. Он совершенно позабывает об окружающем.

Над ним, в тесноте вагона, стоит девушка. Она раскрывает сумочку, чтобы попудриться, и случайно роняет свой платочек на колени счастливца.

Девушка хочет взять платочек, но он лежит так неудобно, что она внезапно смущается и отдергивает руку.

Счастливец ничего этого не замечает.

Пассажиры переглядываются и начинают улыбаться.

Девушка смущается еще больше. Публика с интересом ждет, чем все это кончится. Счастливец отрывает наконец глаза от газеты. Он замечает, что все, усмехаясь, смотрят на его колени.

Он опускает глаза, видит что-то белое и судорожно запихивает платочек в штаны, думая, что это высунувшийся конец нижней рубахи.

Под общий смех он выскакивает из вагона. Опомнившись, проверяет, на месте ли билет. Прячет его в другой карман, но, не сделав и двух шагов, вынимает снова.

Боязнь потерять билет так велика, он его перекладывает так часто, что билет все время на виду и трепещет, как голубь, готовый вырваться из рук. Наконец билет укладывается в бумажник. Однако бумажник - помещение ненадежное для столь драгоценного предмета, как пятимиллионный билет.

Счастливец покупает портфель и прячет туда бумажник.

Но и этого ему мало. Покупается чемодан, в который запирается портфель.

Секунда спокойствия и блаженства сменяется новым припадком ужаса. Все распаковывается и выбрасывается. Самое надежное - держать билет в

руке. По крайней мере видно, что он тут.

У павильона Флоры счастливец видит, как толпа фотографов, кинематографистов и репортеров набрасывается на предыдущего счастливца.

Этот пришел за выигрышем со всей семьей. Тут - папа, мама, бабушка, которую держат под руки, идиотически улыбающийся дедушка и дети.

Их бесцеремонно фотографируют - заставляют принимать различные позы, отцу впихивают на руки младенца. Дедушку теребят репортеры с записными книжками - берут у него интервью.

Диктор спешно кричит в радиомикрофон.

Диктор. Вниманье, вниманье! Говорим из павильона Флоры. Сейчас перед вами выступит бакалейщик, господин Жаклен, только что получивший миллион франков. Он еще держит его в руках. Пожалуйста, господин Жаклен.

Микрофон подносят ко рту бакалейщика, и он, бледно улыбаясь, начинает:

Бакалейщик. Я никогда не думал, господа, что выиграю миллион франков. Но теперь я очень доволен…

Фотограф грубо поворачивает его лицо в нужную сторону.

- …Я чувствую себя очень хорошо. Что я сделаю с миллионом, господа? Немножко я дам родственникам…

Жена (перебивает). Кому? Кому?

Бакалейщик. Моим родственникам, господа.

Жена (в микрофон). Родственникам! Ну, вы видели большего идиота, господа? (Мужу.) А родственники тебе что-нибудь давали? Дурак!

Бакалейщик (тупо улыбаясь). Жизнь прекрасна, господа.

Обладатель пятимиллионного билета с тоской наблюдает страдания бакалейщика.

Пользуясь тем, что внимание толпы отвлечено, он проскальзывает в павильон и предъявляет чиновнику свой билет.

Увидев пятимиллионный билет, чиновник вскакивает, чтобы позвать людей.

Но счастливец силою усаживает его на место.

Счастливец. Ради бога… умоляю вас… никого не зовите!

Чиновник. Ваша фамилия?

Счастливец. У меня нет фамилии… То есть у меня есть фамилия, но я хочу остаться неизвестным.

Чиновник. Это ваше право.

Выполняет формальности.

Счастливец смотрит в окно. Лицо его выражает ужас.

Чиновник. Но вы живете в Париже?

Счастливец видит сверху новые “пытки”, которым подвергается бакалейщик и его семья. Теперь этих добрых людей снимают для звуковой кинохроники, и они растерянно отступают под натиском кинооператоров.

Счастливец (испуганно). Нет, нет, не в Париже, только не в Париже!

Чиновник. Ах, в провинции! В каком же городе?

Счастливец. В таком… в небольшом…

Растерянно водит пальцем по карте Франции, которая висит тут же. Палец останавливается на первой попавшейся точке.

Счастливец. Бург-сюр-Орм.

Чиновник (пишет). Бург-сюр-Орм. Отлично.

Раннее чистое летнее утро в провинциальном городке. Центральная площадь городка.

Два отеля с кафе, расположенные друг против друга.

В утреннем полусвете все-таки можно прочитать надписи на полотняных навесах кафе.

Одно заведение называется:

”Друг желудка”

Г-н Огюст Лево

Другое:

”Веселая устрица”

Г-н Виктор Бранден

Перед “Другом желудка” помещается бензиновая колонка “Шелл”. Перед “Веселой устрицей” колонка “Стандарт”.

В перспективе улички показывается обнявшаяся парочка. Парочка медленно подвигается к площади, ежесекундно целуясь.

Наконец он снимает руку с ее плеча.

Молодые люди нежно прощаются, осторожно оглядываются по сторонам и расходятся.

Она снимает туфли и влезает в окно кафе “Веселая устрица”.

Он перелезает забор двора “Друга желудка”.

На площади снова пусто и чисто.

Солнечный луч скользит по плакату, наклеенному на стене “Веселой устрицы”:

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ ГОРОДА БУРГ-СЮР-ОРМ

В четверг, 12 июня, состоится торжественное

открытие и пуск кареты

СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ,

которую г. Бранден в заботах о гражданах его

родного города учредил для перевозки

жертв несчастных случаев в городскую лечебницу.

Да здравствует партия республиканских

радикалов города Бург-сюр-Орм и ее непреклонный

вождь г. Бранден!

На выборах мэра все голосуйте за г. Брандена!

Утро дышит миром.

И только другая афиша на стене “Друга желудка” показывает, что в городке бушуют микроскопические страсти и между владельцами обоих гостиничных запведений идет отчаянная борьба.

ГРАЖДАНИН!

Если с тобой произойдет несчастный случай,

если ты внезапно сломаешь ногу или скоропостижно

заболеешь - ничего не бойся. Тебе обеспечена

быстрая помощь.

О тебе позаботился старик Лево.

Старый Лево никогда не забывает о гражданах

своего родного города. Ровно в 9.30 утра состоится торжественный пуск

СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КАРЕТЫ.

Да здравствует партия радикальных республиканцев и ее дальновидный вождь старик Лево!

На выборах мэра голосуйте только за старика Лево!

Перед дверью “Друга желудка” появляется мадам Лево. Она вывешивает на веревке брюки мужа и начинает их выколачивать. Это широкие и прочные штаны добродетельного человека. Сразу видно, что их носит не какой-нибудь шалопай. Это чудные штаны в полоску с большими пуговицами, пришитыми на всю жизнь.

В дверях “Веселой устрицы” происходит такая же сцена. Мадам Бранден проветривает и выбивает клетчатые брюки. Это грандиозное вместилище, и можно сразу понять, что это брюки г. Брандена, кандидата в мэры, а не какого-нибудь незначительного лица.

Матроны усердно работают над брюками великих людей. Они с напускным равнодушием поглядывают друг на друга, но чувствуется, что под их корсетами клокочет ярость.

Через площадь, между обоими кафе торопливо проходит агент по страхованию г. Писанли. Это немолодой сердцеед с маленькими усиками и в котелке, элегантно нахлобученном на самые уши.

Он раскланивается с обеими дамами грациознейшим образом.

Дамы провожают его страстными взглядами.

Когда г. Писанли исчезает, взоры их встречаются.

Сладчайшие улыбки сменяются грозными. Женщины готовы схватиться. Однако благоразумие берет верх, и они возвращаются к прежнему занятию.

Кидая воинственные взгляды друг на друга, они колотят брюки все сильнее и сильнее, вкладывая в удары ненависть, предназначающуюся сопернице.

Брюки взвиваются, трещат под ударами - и облако пыли застилает площадь.

Когда оно расходится, соперниц уже нет.

Из “Друга желудка” выходит на площадь тринадцатилетний гарсон г. Лево - мальчик Тити. В руках у него рулон афиш, ведерко с клейстером и кисть. За ним плетется собака.

Он подходит к афише, восхваляющей достоинства г. Брандена, и заклеивает ее афишей, превозносящей добродетели г. Лево.

Покуда Тити занят своим делом, собаке тоже находится занятие.

Она бросается на кошку, появившуюся из “Веселой устрицы”, и загоняет ее на дерево.

На помощь кошке спешит Мак-Магон, по виду хотя и дремучий, но совершенно вздорный старик, гарсон г. Брандена.

Он видит страшную работу Тити, бросается в дом и сейчас же появляется снова с рулоном афиш, клейстером и кистью.

Он подкрадывается к мальчику, отбрасывает его в сторону и срывает афишу врага.

Одержав эту победу, старик приступает к расклейке своих афиш. Но пока он возится с ведерком, Тити подменяет сверток с афишами. Упоенный успехом, старик ничего не замечает и заклеивает всю стену афишами г. Лево. Во время работы он бормочет:

- Я тебе покажу, Лево, молокосос! Лево! Лево! Дерьмо твой Лево, вот что! Плевал я на Лево! Тоже кандидат в мэры нашелся!..

Закончив расклейку, он отходит, чтоб полюбоваться своей работой.

С недоумением видит, что вся стена заклеена афишами противника.

Бросается на Тити, который с довольным видом вертится тут же под ногами.

Тити, увертываясь, кричит:

- Меня убивают! Господин Лево! Помогите!

В окне появляется полуодетый Лево.

На пороге своего кафе вырастает Бранден с намыленной физиономией и безопасной бритвой в руке.

Тити. На помощь, хозяин!

Мак-Магон (гоняясь за мальчиком). Посмотрите, что он сделал, господин Бранден!

Бранден смотрит на афиши и взмахивает бритвой.

Мадам Бранден (оттаскивает его назад). Тебе вредно волноваться. У тебя больное сердце!

Лево прыгает в своем окне, как обезьяна. Жена его успокаивает.

Мадам Лево. Огюст! Умоляю тебя! С твоим сердцем!..

Оба исчезают внутри своих домов и тотчас же снова появляются, но жены их утаскивают.

Мак-Магон в ярости срывает афиши врага. Покуда он это делает, Тити снова подменяет рулон. И когда Мак-Магон набрасывается на рулон и начинает его рвать, то видит, что рвет собственные афиши.

Мак-Магон (перед клочьями афиш, держа за шиворот мальчика). Скорее, господин Бранден! Посмотрите, что они сделали с нашими афишами!

Тити издает ужасные вопли.

На площадь выскакивают Бранден и Лево. Они уже одеты. На них те брюки, которые выбивали их жены. Оба до крайности взволнованы.

Некоторое время они только задыхаются, так как не в состоянии сказать ни слова.

Они разевают рты, ловят воздух, хватаются за сердце, надуваются все больше и больше.

Молчаливая дуэль кончается тем, что оба противника валятся в обморок.

Их растаскивают по домам. Но они неожиданно опять выскакивают на площадь. Однако, не успев добежать друг до друга, снова падают в обморок. Их уносят по домам жены, дети и слуги. Площадь пустеет.

И в заключение на ней разыгрывается маленькая война - кошка г. Брандена, прижатая к стене и лишенная возможности отступить, дает ловкие пощечины собаке г. Лево.

Неизвестно откуда доносится бурный, порядочно фальшивый марш.

Двор отеля “Друг желудка”.

У небольшого полугрузовичка, служащего в обычное время для перевозки хозяйственных грузов, наспех и грубо переделанного в карету скорой помощи с красным крестом и надписью: “Милосердие старика Лево. Все голосуйте за радикальных республиканцев”, идут последние приготовления.

Тити с сияющим лицом выметает из машины мусор.

Сын Лево, Андре, в котором мы узнаем молодого человека, прощавшегося с девушкой, уже сидит на месте шофера.

Мадам Лево тут же во дворе поправляет старику галстук и готовит его к выступлению.

Лево взбирается в машину и становится в позу триумфатора, Тити раскрывает ворота, марш гремит с удвоенной силой, становится еще фальшивей, и медицинское сооружение выкатывается на площадь.

На площади собралась небольшая толпа граждан. Между обеими конкурирующими гостиницами поместился любительский оркестр из шести человек. Музыканты щеголяют узкими и короткими белыми панталонами, из-под которых глядят мощные черные ботинки военной доброты. Состав исполнителей такой: тарелки, геликон, губная гармоника, скрипка и две необыкновенно пискливых фанфары. Губная гармоника почти исчезает под пышными усами музыканта.

При выезде автомобиля раздаются восклицания. Оркестр играет туш. Господин Лево раскланивается, подымает руку и начинает речь.

- Граждане, в этот знаменательный день, когда партия радикальных республиканцев дает новое свидетельство своих забот о благе общества, в этот день, когда…

Но тут широко раскрываются ворота “Веселой устрицы”, слышится громкое кучерское причмокиванье и на площадь выезжает большая белая лошадь с толстыми ногами и генеральским плюмажем на челе. Лошадь влечет за собой тележку с красным крестом и надписью: “Скорая медицинская помощь при несчастных случаях г. Виктора Брандена. Голосуйте исключительно за республиканских радикалов”.

На козлах сидит Мак-Магон, рядом с ним дочь Брандена Люси в госпитальной наколке. (Это девушка, прощавшаяся утром с Андре.) В тележке стоя помещается г. Бранден.

Оркестр играет туш. Мак-Магон делает “тор-ру”, и колесница останавливается напротив вражеского автомобиля. Приветственные клики толпы.

Бранден. Я не оратор, граждане. Жизнь общественная есть общественная жизнь общества. Потому что общество составляется из общественной жизни. Без общественной жизни общество уже не общество…

Здесь содержательная речь Брандена прерывается тушем, который грянул по поводу торжественной церемонии, разыгрывающейся у автомобиля Лево.

Господин Писанли подносит букет с лентами г. Лево и целует руку мадам Лево. Оркестр играет “Марсельезу”.

Мадам Бранден устремляет на Писанли магнетический взгляд, и он смущенно скрывается в толпе.

В лагере Брандена полное смятение. Бранден хватается за сердце. Жена из аптекарской бутылочки наливает ему успокоительные капли. Он выпивает.

Растроганный Лево продолжает свою речь.

- Этот букет, господа, только лишнее подтверждение того, как высоко стоит авторитет радикальных республиканцев среди прогрессивных слоев Бург-сюр-Орма. Жалкое лепетание республиканских радикалов никогда…

Его прерывает визгливый туш. Толпа поворачивается в сторону белой лошади.

Там происходит великое торжество. Господин Писанли подносит Брандену венок с лентами и склоняется перед мадам Бранден.

Мадам Бранден торжествует.

Г. Лево хватается за сердце.

Лево. Лекарство!

Протягивает руку к жене. Но она, не сводя глаз с коварного Писанли, сама пьет капли.

Писанли испуганно ныряет в толпу.

В толпе рядом стоят Тити и Мак-Магон.

Тити. Да здравствует господин Лево!

Мак-Магон. Долой Лево. Да здравствует господин Бранден!

Мак-Магон в припадке преданности подбрасывает в воздух свою шапку. Тити ловит ее и не отдает. Мак-Магон за ним гоняется.

Оправившийся Бранден кричит:

- Господа, лучшим идеалам общественной жизни общества угрожает опасность. Перед вами стоит узурпатор. Это он украл у меня идею скорой медицинской помощи при несчастных случаях.

Лево (стараясь перекричать противника). Граждане, вы слишком хорошо знаете старика Лево, чтобы поверить этой демагогии. Идея скорой медицинской помощи принадлежит исключительно радикальным республиканцам.

Бранден. Нет, республиканским радикалам.

Лево. Нет, радикальным республиканцам.

Бранден. Мне!

Лево. Нет, мне!

Бранден. Вам?

Лево. Мне.

Бранден. Тебе?

Лево. А кому? Вам?

Бранден. Мне!

Лево. Те-бе?

Бранден, стегнув свою лошадку, подъезжает вплотную к противнику.

Бранден. А у кого [.?.] сумасшедший?

Лево. А у кого в гостинице клопы?

Тити. Ура!

Тити нагло смотрит на Мак-Магона.

Оркестр играет туш. Брандену подают капли. В[.?.] он подымает стаканчик, как заздравную чашу, и кричит:

- Да здравствует партия республиканских радикалов! Долой интригана Лево, который в своем “Друге желудка” подавал вчера тухлого гуся. Я сам нюхал!

Мак-Магон. Нюхал, нюхал! Ура!

С торжеством смотрит на Тити. Тити повержен. Оркестр играет туш.

Лево хватается за сердце, в волнении вырывает у Брандена капли, пьет их и, возвратив удивленному врагу пустой стаканчик, кричит:

- А кого жена бьет по морде?

Бранден. А в самом деле? Кого?

Лево. Вас!

Бранден. Меня?

Лево. Тебя!

Бранден. А вас?

Лево. Как? Ме-ня?

Бранден. Да, да! Тебя! По морде!

Лево смущенно молчит. Писанли с ужасом переводит глаза с мадам Лево на мадам Бранден и снова на мадам Лево. Толпа неистово кричит. Такой спектакль бывает не каждый день.

Внутри медицинской кареты г. Лево, сквозь разрез брезентового навеса, сквозь который видна площадь и люди, обнимаются Люси и Андре. Вражда отцов не мешает им любить друг друга. Вся их сцена немая и идет под пререкания невидимых родителей.

Голос Лево. Негодяй!

Голос Брандена. Сам негодяй!

Молодые люди целуются.

Лево. Дурак!

Бранден. От такого слышу.

Молодые люди целуются.

Лево. Я убью его.

Поцелуй.

Бранден. Держите меня!

Поцелуй.

Нечленораздельный крик Лево.

Поцелуй.

Рев Брандена.

Поцелуй. Поцелуй. Поцелуй.

Снова площадь.

Противников развели по местам и успокаивают. Мак-Магон отнимает наконец у Тити свою шапку и водружает ее на голову. Из автомобиля незаметно выходят Андре и Люси.

На площадь, размахивая котелком, вбегает Писанли и кричит:

- Несчастный случай! Скорее! Несчастный случай с мадам Буало. Она упала на рыночной площади и подвернула себе ногу.

При этом крике оба государственных мужа, поникшие было главами от перенесенных волнений, проявляют необыкновенную деятельность. Расталкивая окружающих, они бросаются к своим каретам.

Лево (вскакивая в машину). Андре! Полный ход!

Бранден (переваливаясь в тележку). Мак-Матон! Люси - на место!

Андре заводит ручкой мотор. Искры нет. Машина не движется. Лево вне себя. Андре подымает капот и углубляется с головой в мотор.

Бранден с дьявольским смехом выносится вперед на своей колеснице.

Бранден (кричит). Да здравствует партия республиканских радикалов и ее вождь - я!

Ужасные понукания Лево. Андре наконец починился, берется за руль, машина делает ужасный скачок и мчится вдогонку за Бранденом.

Узкая уличка, по которой еле-еле движется норовистая белая лошадь. Сзади подъезжает автомобиль Лево, но обогнать противника он не может - узка улица.

Тогда он сворачивает в первый же переулок и вскоре появляется на этой же улице, но уже впереди лошади.

Лево в восторге кричит:

- Да здравствует партия радикальных республиканцев!

Мотор капризничает, машина едва движется, а лошадь, которая только взяла ход, наседает сзади, но тоже из-за узости мостовой не может обогнуть автомобиль.

В горячке Бранден также сворачивает в переулок.

Новая уличка, где автомобиль и лошадь почему-то мчатся навстречу друг другу-И только почти столкнувшись, они с проклятиями поворачивают назад и так же бешено мчатся в разные стороны.

Широкая и большая улица. Теперь соперники несутся рядом.

Сумасшедшая гонка лошади и автомобиля.

Обезумевший Мак-Магон стоя нахлестывает лошадь.

Тити чуть не выпадает из автомобиля.

Бранден теряет шляпу.

Лево лихорадочно пьет капли.

Кареты въезжают на рыночную площадь. Действительно, там у стены дома, окруженная небольшой кучкой людей, со страдальческим выражением на лице лежит старуха.

Бранден и Лево одновременно спрыгивают на землю и подбегают к старухе.

Лево еще издали кричит Брандену:

- Прочь! Прочь! Это моя больная!

Бранден. Отойдите от нее немедленно. Вам говорят!

Над телом старухи они сталкиваются и начинают отпихиваться руками.

Лево. Это моя старуха.

Бранден. Ваша?

Лево. Моя!

Бранден. Твоя?

Лево. А чья же?

Бранден. Общественная.

Лево. Как, общественная?

Бранден. Я ее нашел!

Лево. Нет, это я ее нашел.

Старуха. Ох, умираю!

Лево. Видите, старушка умирает, а вы… Пустите сию минуту.

Бранден. Нет, вы пустите!

Лево. Почему же я должен вас пустить?

Бранден. Потому что старушка гибнет на глазах подлой радикально-республиканской партии.

Лево. Нет, она гибнет на глазах республиканско-радикальной партии, на ваших глазах, а не на моих.

Старушка со страхом подымается и, ковыляя, уходит. Но никто этого не замечает. Государственные мужи продолжают спорить.

Бранден. В таком случае могу вам сообщить, с кем живет ваша жена.

Лево. Пожалуйста!

Бранден. Она живет с господином Писанли.

Лево. Извините, с господином Писанли живет ваша жена!

Бранден. Но весь город знает про вашу жену.

Лево. Нет, весь город знает про вашу.

Писанли поспешно выбирается из толпы и скрывается с глаз.

Оба кандидата в мэры надуваются до последней степени и падают в обморок.

Их подхватывают и засовывают в свои же скорые медицинские кареты. Кареты увозят безжизненные тела своих владельцев тем же бешеным аллюром, каким неслись к старухе, так и не дождавшейся помощи.

Завернутый в плед, с компрессом на голове, окруженный аптекарскими бутылочками, сидит за столом г. Лево и, поглядывая в окно на гнездо врага, сочиняет донос.

”Господину префекту.

Обуреваемый желанием принести посильную помощь городу, его благоустройству и процветанию, не могу не сообщить Вам, г. префект, о том, что, известный низостью своего поведения, содержатель кабака под названием “Веселая устрица” Виктор Бранден торгует после 12 ночи, при закрытых шторах, что строжайше воспрещено обязательным постановлением, и подает плохой пример подрастающему поколению.

Остаюсь навсегда преданный Огюст Лево”.

Составив этот документ, г. Лево прячет его в карман своих брюк, полосатых брюк.

Г. Бранден, полулежа на диване, удовлетворенно заканчивает донос на Лево и прячет его в карман своих фундаментальных клетчатых штанов.

Едва он кончает это достойное занятие, входит Люси.

Люси. Можно, папа?

Бранден утвердительно хмыкает.

Люси. Я давно хотела тебе сказать.

Бранден хмыкает.

Люси. Мне сделали предложение.

Бранден одобрительно хмыкает.

Люси. Один молодой человек.

Бранден одобрительно хмыкает.

Люси. Ты его знаешь.

Бранден вопросительно хмыкает.

Люси. Он очень хороший.

Бранден одобрительно хмыкает.

Люси. [.?.]

Бранден энергично и отрицательно хмыкает.

Люси. Но почему же?

Бранден. Потому что он такой же мерзавец и негодяй, как его отец. И кончим на этом разговор.

Люси плачет. Отец выталкивает ее.

Г. Лево стоит в грозной позе перед сыном.

Лево (кричит). Никогда. Никогда. Только через мой труп!

Есть в городе девушка по имени Лилиан. Это обыкновенная провинциальная проститутка с истерическими потугами на парижский жанр. Она сидит у окна своей комнаты и беседует с господином Писанли, который стоит на улице. Вечер. Господин Писанли приторно любезен и все время приподымает над головой свой элегантный котелок.

Писанли. Дела не идут, дитя мое.

Лилиан. Да, дела не идут.

Писанли. Кризис.

Лилиан. Да, кризис.

Писанли. Когда дела шли…

Лилиан. О, когда дела шли…

Писанли. Тогда я страховал в день не меньше трех человек от смерти. Это была жизнь.

Лилиан. У меня тоже было не меньше трех в день. Иногда даже больше.

Писанли. А теперь нет клиентов.

Лилиан. Да, клиентов мало.

Писанли. Так как же будет, дитя мое? Может быть, можно в кредит?

Лилиан. В кредит?

Писанли. Когда дела пойдут, я заплачу. Честное слово.

Лилиан. Убирайся ты вон, свинья такая.

Писанли. Вот видите. В любви тоже не везет. Так и знал. (Мнется.) Слушай, девочка, тебе не нужен тихий, спокойный, непьющий, средних лет, глубоко интеллигентный кот?

Лилиан. Проваливай!

Писанли. Пожалуйста, пожалуйста.

Он уходит, вежливо приподымая котелок. Лилиан закрывает окно и опускает занавеску.

Стук в дверь. Входит г. Бранден в своих замечательных штанах в клетку. В петлице у него цветок. Усы торчат кверху.

Бранден. Ку-ку!

Целует Лилиан, которая молчит довольно сурово.

Бранден. Птичка, я пришел отдохнуть на твоей груди.

Лилиан, не отвечая, роется в ящике стола.

Бранден. Что с тобой, моя крошка?

Лилиан протягивает ему маленькую афишку.

Лилиан (грозно). Кто это писал?

Бранден тупо смотрит на афишку. Текст афишки:

Матери и жены, я осушу ваши слезы. Я вырву юношество Бург-сюр-Орма из грязных объятий развратницы Лилиан, которая при попустительстве радикальных республиканцев свила себе гнездо на священной почве нашего города. Как только меня выберут мэром, я изгоню ее.

Голосуйте на выборах только за партию республиканских радикалов.

Виктор Бранден.

Лилиан. Ну?

Бранден (трусливо). Что тут особенного?

Лилиан. Зачем же ты приходишь отдыхать в грязных объятиях развратницы?

Бранден. Детка!

Лилиан. Нет, что это значит?

Бранден. Ну, стоит ли обращать внимание? Это же политика! Чистая политика и ничего больше.

Лилиан. У одного кризис, у другого политика. Спасибо!

Бранден обнимает разгневанную Лилиан. Раздается осторожный стук в дверь. Бранден в испуге отскакивает.

Бранден. Ради бога! Меня не должны здесь видеть! В такой ответственный момент острой политической борьбы. Куда мне деваться?

Лилиан вталкивает государственного деятеля в соседнюю комнату и открывает входную дверь.

На пороге ее с победоносной улыбкой стоит г. Лево, подвинчивая свои усы. Он предостерегающе протягивает руку и шипит:

- Никто не должен знать, что я здесь.

Лилиан. Понимаю, понимаю! Политика!

Лилиан молча уводит Лево в комнату, расположенную напротив той, где укрылся Бранден, подводит его к стене и, указав на афишку, приколотую к стене кнопками, говорит:

- Я тоже стала заниматься политикой.

Лево, тараща глаза, видит собственное воззвание к избирателям.

Текст воззвания:

Женщины города!

Дело нравственности в верных руках. Когда старик Лево будет мэром, он немедленно обрушится на темное пятно нашего города, притон потаскухи Лилиан.

Воздействуйте на своих мужей, скажите своим сыновьям, что все голоса должны быть отданы только радикальным республиканцам.

Огюст Лево.

Лево молчит.

Лилиан. Значит, я темное пятно?

Лево. К чему такие мрачные мысли, курочка? Это же сделано для семьи.

Лилиан (считает на пальцах). У одного - кризис, у другого - политика, у третьего - семья. Очень мило!

Лево обнимает ее.

Лилиан. Теперь я вижу, что дело нравственности действительно в верных руках.

Средняя комната, в которой началась сцена. Входит Лилиан. Она замечает, что на стуле у двери комнаты, где поместился Бранден, уже лежат его замечательные брюки в клетку.

Когда она оглядывается, то на стуле у противоположной двери уже висят прекрасные, вечные брюки в полоску господина Лево.

Лилиан. Ну, кажется, кризис кончается.

Ночь. Улица. По ней бредет невзрачный человечек. Он движется медленно, иногда останавливается, внимательно смотрит на входные двери, потом подходит к окну одного дома, нажимает на раму, но она не

открывается. Оглянувшись, идет дальше.

Заглядывает сквозь прутья изгороди другого дома и отскакивает. Ему не понравилась большая собака, строго выглядывающая из будки.

По всему видно, что это неэнергичный и невезучий маленький вор.

Он подходит к другому окну. Рама легко растворяется. Вор влезает в комнату и сейчас же выпрыгивает из окна с двумя парами замечательных фундаментальных штанов.

Еще у самого дома он шарит в карманах брюк, но, найдя там только какие-то сложенные бумажки, недовольно гримасничает, пихает бумажки как попало назад в брюки и скрывается во мраке.

Средняя комната Лилиан.

Одна из дверей приоткрывается, оттуда высовывается голая толстая рука и протягивается за брюками. Не найдя их в том месте, где они лежали, рука прячется назад.

Затем дверь снова приоткрывается, показывается. голова Лево. Глаза его с недоумением глядят на пустой стул.

Раздается скрип другой двери, и голова Лево испуганно скрывается.

В противоположной двери появляется Бранден и, не увидев своих брюк, прячется в комнату.

Лилиан в средней комнате. Ничего не понимая, обнаруживает исчезновение брюк. Подбегает к открытому окну. Ночь. Тишина. Мерцают фонари.

Из темноты - колокольный звон.

Разворачивается чудное воскресное утро в тишайшем Бург-сюр-Орме.

Сухонькие старушки с молитвенниками движутся в церковь. Идут в церковь целые семьи, папы, мамы, ведут детей, катят какого-то старика в колясочке, обмениваются поклонами. Все очень чинно и достойно.

Чистый колокольный звон. Где-то за городом, в овраге, сидит вор и восхищенно рассматривает украденные брюки.

Писанли с рюмочкой в руках стоит перед стойкой, за которой помещается заплаканная мадам Лево, и разглагольствует.

Писанли. Вы, главное, не волнуйтесь, мадам Лево. Не пришел ночевать? Ничего тут нет особенного. Одно из двух: либо он вернется, либо он не вернется. Если он вернется, то уже хорошо. А если не вернется, то одно из двух. Либо с ним случилось несчастье, либо не случилось. Если не случилось несчастье, то уже хорошо, а если случилось, то одно из двух. Либо он остался жив, либо он не остался жив. Если он остался жив, то уже хорошо, а если не остался, то одно из двух…

Мадам Лево глотает слезы.

Андре и Люси направляются в церковь по разным сторонам улицы. Отойдя достаточно от дома, они переглядываются, сходятся и дальше идут вместе.

Писанли уже ораторствует перед плачущей мадам Бранден. Развязно попивая из бокала, он болтает.

Писанли. В конце концов, мадам Бранден, вам совершенно нечего беспокоиться. Либо он умер, либо он не умер. Если он не умер, то уже хорошо, а если умер, то одно из двух, либо он умер в мучениях, либо умер без мучений.

Мадам Бранден плачет навзрыд.

Писанли. Почему же вы плачете? Если он умер без мучений, то уже хорошо, а если он умер в мучениях, то одно из двух. Либо он попал в рай, либо он попал в ад. Если он попал в рай, то уже хорошо, а если он попал в ад, то одно из двух. Либо сатана его полюбил, либо сатана его не полюбил.

Если полюбил, то уже хорошо, а если не полюбил, то одно из двух…

Мадам Бранден ревет.

Великий утешитель беззаботно пьет из бокала.

Чрезвычайно грустное зрелище. Кандидат в мэры г. Бранден в удобных домашних кальсонах, но в пиджаке и галстуке, под тихий колокольный звон прыгает перед Лилиан. Он разъярен и одновременно испуган до крайности.

Бранден. В конце концов надо купить штаны. Не могу же я здесь сидеть вечно!

Лилиан. Что ты кричишь? Ты хочешь, чтоб весь город сюда сбежался?

Бранден (шепчет). Умоляю. Ну, надо купить штаны. Надо! Понимаешь? Брюки!

Лилиан. Сколько раз тебе говорить. Сегодня воскресенье. Все закрыто.

Бранден. О! Воскресенье! (В отчаянии бросается на кровать.) Я погиб! Что теперь со мной сделает этот мерзавец Лево!

В комнату доносится тонкий протяжный стон. Бранден в страхе прислушивается. Он вскакивает.

Бранден. Там кто-то есть!

Лилиан. Это собака. Я ее сейчас прогоню!

Выходит, тщательно прикрыв за собой дверь, и открывает дверь второй комнаты.

Там, на коленях, в одних коротких кальсонах стоит Лево и ужасно стонет.

Лилиан. Что это за штуки? Ты с ума сошел!

Лево. Лилиан, спаси меня.

Лилиан. Прежде всего тише.

Лево (шипит). Я же не прошу роскоши. Я прошу предмет первой необходимости. Брюки! Неужели ты не понимаешь, что такое для мужчины брюки! О, если Бранден узнает! Что скажут мои избиратели!

Стонет так страшно, что Лилиан хватается за голову.

Лево. Ах, мои брючки, мои старые верные штаны!

Из соседней комнаты доносится грустный рев обезумевшего Брандена. Лево настораживается.

Лилиан. Ничего, ничего, это собака. Слушай, у меня есть идея. Рядом живет портной.

Лево. Правильно! Лилиан, ты святая женщина. (Косится на афишку.) Ей-богу, святая! Я всегда это говорил!

Поспешно достает деньги.

Лево. Как можно скорее!

Лилиан. Побегу и закажу две пары брюк.

Лево. Зачем же две пары?

Лилиан. Э-э… Я думала, что одна пара будет запасная.

Лево. Какая там запасная! Хватит и одной. Скорей беги. Ради бога. Пусть немедленно шьет. Честное слово, ты святая женщина.

В кафе Брандена “Веселая устрица” по-прежнему пусто. Разволновавшаяся мадам с распухшим от слез лицом сидит за столиком. Ее осторожно поглаживает по толстой спине господин Писанли.

Писанли (вкрадчиво). Скажите, мадам Бранден, вам не нужен тихий,

спокойный, непьющий, средних лет, глубоко интеллигентный метрдотель или, например, муж?

Мадам Бранден. Подождем еще немножко. Может быть, он вернется.

Писанли. Одно из двух. Либо он вернется, либо не вернется. Если он не вернется, то это уже хорошо. Значит, сатана его полюбил…

Новый приступ рыданий охватывает мадам Бранден.

Лилиан у портного, человека крайне медлительного и склонного философически вникать в сущность явлений.

Портной. Что это такое? Целый год никто не заказывал брюк! Вы меня извините, мадемуазель, но я уже начинал думать, что человечество перестало интересоваться брюками. И вдруг сразу две пары и чтоб были готовы в один час.

Лилиан. Да, да. В один час и две пары.

Портной. И вот когда я начинаю думать над тем, что бы все это могло значить, я прихожу к мысли, что кризис кончается.

Лилиан. Кончается, кончается. Только вы, главное, не думайте. Шейте как можно скорее. Думать будете потом.

Она уходит, а портной медленно разворачивает кусок ткани и упирается в нее тусклым взглядом. После долгой паузы он произносит:

Портной. Думать будете потом! Потом будет уже поздно.

Пауза.

Портной (тяжело задумавшись). Что такое брюки? А что такое жизнь?

Нисколько не торопясь, принимается резать ножницами сукно.

На безлюдную станцию Бург-сюр-Орм вкатывается пассажирский поезд.

Из багажного вагона выбрасывают пачку парижских газет.

Поезд уходит, оставив на перроне необычайных для городка пассажиров - здесь три кинематографиста с аппаратами, еще один человек весь на застежках-молниях (у него на таких же застежках - карманы пиджака и брюк, портфель, блокнот, рубашка) и бледный, превосходно одетый господин с толстеньким акушерским саквояжем,

Станционные служащие с удивлением рассматривают приезжих.

Вдруг у одного из них, принявшего пачку газет, меняется лицо, и он уже не сводит глаз с заголовка, перерезанного шпагатом упаковки.

Текст заголовка:

ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ФРАНКОВ ВЫИГРАНЫ ЖИТЕЛЕМ ГОРОДА

БУРГ-СЮР-ОРМ, СЧАСТЛИВЕЦ ПОЖЕЛАЛ ОСТАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ.

Удивленные его поведением, заглядывают на пачку через плечо и другие служащие. Волнение охватывает всех.

Кучка людей, которые первые узнали поразительную новость, возбужденно шагает по улице. К ней присоединяются прохожие. Впереди всех, размахивая еще не развязанной пачкой, идет газетчик. Распахиваются окна, люди выбегают на балконы, кучка превращается в толпу.

Происходит чудо. Нищий, стоящий у перекрестка на костылях, узнав чудесную новость, бросает костыли и бежит за толпой, бодро ступая на обе ноги.

Из своего заведения выходит портной-философ с сшитыми брюками и клеенчатым метром на плече. Узнав, что произошло, он столбенеет.

Толпа идет дальше.

Кинематографисты тащат свои аппараты. Внимательно осматривая всех, чинно идет приезжий господин с саквояжем. Безмерно суетится репортер в [.?.], то раздергивая, то задергивая свои бесчисленные застежки.

Портной продолжает стоять все в том же свинцовом раздумье у своей лавки.

Церковь полна народа. Идет служба. Торжественные звуки органа.

С улицы входит один из граждан и что-то шепчет ближайшему к входу молящемуся.

Слух передается из уст в уста. Странный шелест и бормотанье наполняют церковь.

Органисту под самый нос подложили газету. Органист в волнении начинает страшно фальшивить.

Кюре, стоящий лицом к алтарю, морщится, бросает недовольный взгляд на органиста, потом смотрит вниз.

Церковь пуста. Последние молящиеся толпятся у входа.

Только у одной колонны, забыв все на свете, шепчутся Андре и Люси.

Ничего не поняв, кюре откашливается и продолжает службу под фальшивый рев органа.

К портному, который все еще стоит в позе полного и решительного обалдения, подбегает Лилиан.

Лилиан. Готово?

Портной. Возьмите ваши брюки, мадемуазель, и уходите. В последний раз я делаю такую грязную работу. Раз в городе появился человек с пятью миллионами, для меня найдется работа получше. (Начинает горячиться.) Может жить миллионер без фрака? Не может! Может он жить без визитки? Не может! Смокинг ему нужен? До зарезу! Кто все это ему будет шить? Я! Другого портного в городе нет.

Лилиан. Да, но ведь он может выписать себе портного из Парижа!

Портной. Из Парижа? (Тяжело задумывается.) Как это я не сообразил! Так не забудьте. Моя фирма существует с тысяча восемьсот девяносто пятого года. Быстрое, точное, аккуратное исполнение заказов. Из Парижа! Как я об этом не подумал!

Лилиан. Кто же все-таки выиграл, хотела бы я знать?

Портной. О, если б я знал! Дайте мне только мерку с этого человека, и я сошью такой фрак, какой даже в Лондоне не сошьют.

Лилиан со свертком торопливо уходит, а портной снова застывает в беспредельном раздумье.

Бранден растрепан и ужасен. Он уже не владеет собой. Он бегает по комнате, как пленный тигр. Иногда он останавливается, тупо смотрит вперед себя и снова начинает гонять из угла в угол.

В горе он даже бьет себя по щекам.

Отчаяние этого человека показалось бы величественным и трагичным, если бы на его толстых ногах были брюки. Но брюк все нет, и это вызывает у несчастного безумные взрывы горя.

Лево, наоборот, впал в мистицизм.

Он стоит на коленях и, молитвенно сложив руки, взывает к господу.

- Боже, ты один, всемогущий, видишь, в каком идиотском положении я нахожусь. Господи, за что ты так покарал видного общественного деятеля? Помоги мне, господи! Я же многого не прошу. Я ведь не такой, как другие, например, Бранден. Я ведь не хам. Только одну пару брюк. Ну, что тебе стоит?

Он так трогательно молится, что нужно удивляться тому, как потолок не разверзается и оттуда не спускается на страдальца просимый им предмет одежды.

Бранден прерывает свою беготню для того, чтобы осторожно посмотреть в окно сквозь занавеску.

Он видит Лилиан, идущую со свертком в руках. Он радостно переминается с ноги на ногу, но потом замечает, что Лилиан остановилась и присоединилась к кучке людей, горячо толкующих о чем-то и размахивающих руками.

Переходы Брандена от отчаяния к надежде из-за того, что Лилиан то направляется к дому, то снова останавливается, чтобы поговорить с гражданами города, которые толпятся на улице.

Лево в той же позе молящегося.

Открывается дверь, в комнату влетают брюки и падают прямо на простертые к небу руки Лево.

Он так радостно взволнован, что долго прыгает на одной ноге, не в силах правильно прицелиться другой ногой в штанину. Застегиваясь на ходу, он выпрыгивает из окна в сад и исчезает.

Лилиан вносит брюки в комнату Брандена.

Лилиан. На! И убирайся отсюда поскорее! Надоели вы мне все. Раз в городе есть миллионер, то для меня найдется работа получше!

Бранден (лихорадочно одеваясь). Что ты там мелешь! Какой миллионер?

Лилиан сует ему газету, а сама присаживается к зеркалу и поспешно начинает прихорашиваться. По-куда Бранден осмысливает прочитанное, Лилиан болтает.

Лилиан. Может жить миллионер без фрака? Не может! Смокинг ему нужен? До зарезу! Девушка ему нужна? Конечно, нужна! А где он возьмет другую, если, кроме меня, в городе никого нет! Что ты на это скажешь?

Когда она оборачивается, Брандена уже нет в комнате.

Лилиан (глядя на себя в зеркало). Да, но с такими деньгами он может выписать себе девушку из Парижа! Как я этого сразу не сообразила!

На центральной площади Бург-сюр-Орма, среди большой толпы граждан, горячо ораторствует Писанли. Он полностью овладел вниманием слушателей и врет без удержу. Тут и кинематографисты и репортер. Не видно только бледного господина с акушерским саквояжем.

Вообще от тихого, благостного воскресенья ничего не осталось. Исключительно земные заботы овладели людьми.

Писанли. Вы только не беспокойтесь. Вы положитесь на Писанли. Писанли вас не обманет. Я этих миллионеров знаю как свои пять пальцев. Я у самого Бонура брился, когда проезжал Тараскон. Даже смешно вспомнить. Смотрите, вот эти самые щеки брил Бонур. Вы мне только дайте найти этого счастливца. Уж я его застрахую, будьте уверены. И от огня, и от смерти, и от женитьбы, и от всех других несчастных случаев.

Мак-Магон. Все-таки свинство, что этот миллионер пожелал остаться неизвестным. Скаред он, вот и все.

Писанли. Слушайте, папаша, выражайтесь осторожней. Этот миллионер, может быть, находится среди нас и слышит, как вы его ругаете.

Мак-Магон (испуганно). Ну, ну, я пошутил.

Писанли. Пожалуйста, пожалуйста! Да, да, даже наверно находится. Здесь собрался весь город. Кто-то из нас ведь выиграл. Тут уж сомнений никаких нет. Может быть, он! (Показывает на одного из горожан, на которого устремляются все взоры. Тот трусливо смеется и прячется в толпу.) Или я! Да, я выиграл пять миллионов и пожелал остаться неизвестным. (Все смотрят на Писанли.) Нет, я, конечно, не выиграл, но счастливец тут, среди нас. (Все с подозрением начинают смотреть друг на друга.) Я его найду, я его по глазам узнаю, я его так застрахую… (Ходит в толпе, хватает людей за руки и заглядывает им в глаза, не минует даже Тити, долю гипнотизируя его. Толпа трусливо жмется под взглядами страхового агента, однако миллионер не открывается.)

Кинематографисты и репортер подходят к Писанли. Один из кинематографистов:

- Повлияйте на них, пожалуйста. Мы ведь люди занятые, приехали из Парижа. Что мы тут, вечно будем сидеть?

Писанли. Ну что я с ними могу сделать? Ну не хотят, не хотят. Желают остаться неизвестными.

Кинематографист. Господа, нельзя же так! Кто из вас выиграл пять миллионов? (Пауза. Горожане уныло смотрят в землю.) Ну, больше жизни, больше жизни! Вся Франция интересуется. Ну?

Толпа недвижима.

В номере гостиницы бледный господин нервно тасует карты. Его акушерский чемоданчик раскрыт, и видно, что он наполнен колодами.

Наконец он сердито закрывает чемоданчик, выходит к толпе и присоединяется к представителям прессы.

Бледный господин (к толпе). Нельзя же, господа, тянуть бесконечно! Ну, пошутили - и будет. Господин, выигравший пять миллионов, можно вас на пару слов? Что вы тут стоите, ей-богу, скучаете? Пойдем куда-нибудь, выпьем по рюмочке, сыграем в карты. Я угощаю, в чем дело!

Но никто не выходит из толпы. Бледный господин возмущенно разводит руками.

Снова начинает кинематографист. Он подтягивает поближе аппарат и говорит:

- Честное слово, это так нетрудно, всего-то дела на пять минут. Немножко попозировать и ответить всего на два вопроса - что вы почувствовали, когда выиграли пять миллионов, и что думаете о частой смене министерских кабинетов?

Толпа безмолвствует.

Писанли. Подождите, подождите, дайте подумать. Кажется, я уже знаю в чем дело.

Все напряженно смотрят на Писанли.

Писанли (глубокомысленно). Выиграл тот, кого сегодня утром не было в городе. Надо ведь было поехать в Париж получить выигрыш. Верно? Кого же сегодня не было?

В это время в конце улицы показывается вороватая фигура Лево.

Писанли. Стоп, стоп, сто-о-оп! Вот теперь мне все ясно.

Толпа смотрит на приближающегося Лево.

Писанли. Так, так. Он пожелал остаться неизвестным. Ясно почему. Он хотел скрыть свой выигрыш от семьи, от вас, мадам Лево.

Мадам Лево. Мерзавец!

Лево подходит к самой толпе. Он больше чем смущен. Он подавлен и запуган.

Писанли (громовым голосом). Снимайте его! Это он!

Мадам Лево бросается к мужу. Весь их семейный разговор лихорадочно записывается и накручивается на пленку.

Мадам Лево (плачет). Вот этого я от тебя никак не ожидала! Где ты был?

Лево (с ужасом оглядывается на толпу). Умоляю тебя, Жанна, постесняйся людей.

Мадам Лево. А, ты продолжаешь от меня скрывать, негодяй!

Лево. Ради бога, пойдем домой, я тебе все объясню.

Мадам Лево. Скрывать нечего, это уже знают все.

Лево. Как все?

Мадам Лево. Конечно! Весь город!

Лево. А-а-а! Я погиб!

Кинематографист (бешено крутит). Вот это [.?.]! Теперь моя карьера

сделана!

Мадам Лево. Почему ты мне этого сразу не сказал? Разве я тебе помешала бы?

Лево. Жанна, ей-богу, что за странные вопросы?

Мадам Лево. Я бы тебе даже помогла.

Лево (в крайнем удивлении). Ты бы мне помогла?

Писанли (хлопая Лево по плечу). А все-таки сознайтесь, плутишка, приятно было, а?

Лево балдеет от стыда. Кинематографист продолжает накручивать.

- Чудное актюалите!

Репортер (подступая с записной книжкой). Простите, пожалуйста, наша редакция хочет задать вам два вопроса. Во-первых, как это было и, во-вторых, что вы при этом почувствовали?

Лево со стоном вырывается, но на него продолжают наседать.

Мадам Лево. Куда ты их девал?

Лево смущенно смотрит на свои брюки.

Мадам Лево. Ты их положил в банк?

Лево. Милочка, кто же кладет их в банк?

Шулер. Совершенно правильно. Никому не доверяйте. Пойдем лучше, папаша, посидим где-нибудь, выпьем по рюмочке. Я угощаю.

Нервно тасует карты.

Мадам Лево. Где же они все-таки?

Лево. Я, э-э-э… я их потерял.

Мадам Лево. Ложь! Этого не может быть! Это не иголка, чтобы ее можно было потерять.

Лево. В таком случае даю тебе честное слово, что их у меня украли.

Мадам Лево. Украли пять миллионов франков?

Лево. Какие пять миллионов? Каких франков?

Мадам Лево. Которые ты выиграл, жалкий эгоист!

В глазах Лево появляется луч надежды.

Лево. Что выиграл? Где выиграл? Когда выиграл? Почему выиграл? Для чего выиграл? (Наглеет.) С ума вы здесь посходили! Уже человеку погулять нельзя. Вышел человек на минутку, никого не трогал, так нет, подавай им пять миллионов. А ты, дура, уже уши развесила. (Хорохорится.) Нет, ей-богу, на секунду нельзя отлучиться из дому. Просто инквизиция какая-то.

Кинооператор (прекращая работу). Значит, вы не выиграли?

Лево. Бабушка моя выиграла!

Кинооператор угрожающе подходит к Писанли.

Кинооператор. Что это значит? Я уже накрутил двести метров. Что ж это, все выбрасывать? Где миллионер?

Писанли. Позвольте, дайте подумать. Я привык думать. Если не Лево, то кто же? Выиграть мог только тот, кого не было в городе.

Из-за угла появляется Бранден. Увидя толпу, которая сразу к нему поворачивается, растерянно останавливается и пытается улизнуть.

Писанли. Вот теперь уж абсолютно ясно. Вот кто выиграл. Бранден выиграл.

Мадам Бранден издает радостный крик и бросается к мужу. Имея все основания опасаться жены, Бранден обращается в бегство. Мадам Бранден,

а вслед за ней все горожане, вместе с кинематографистами и шулером кидаются вслед за ним. Шулер гонится за Бранденом с картами в руках.

Брандена настигают.

Увидя, что от жены ему не уйти, он закрывает голову руками.

Жена обнимает его. Бранден поражен.

Ему жмут руки. Он ничего не понимает.

Его снимают. Он только растерянно вертит головой.

Портной-философ неторопливо обмеривает его со всех сторон. Удивленный, он молчаливо подчиняется. Он покорно поднимает руки, расставляет ноги, делает все, что полагается делать на примерке.

Репортер. Что вы при этом почувствовали?

Писанли. Господин Бранден, вам не нужен тихий, спокойный, непьющий, получивший низшее и среднее образование, симпатичный и честный, средних лет, глубоко интеллигентный управляющий финансами?

Шулер. Пойдем, тут прямо за углом посидим, выпьем по рюмочке, перекинемся в картишки, а?

Нервно тасует карты.

Кинооператор. Стоп, стоп. Тише. Теперь он пусть что-нибудь скажет.

Писанли. Скажите ему что-нибудь. Иначе он не отвяжется.

Бранден. Что я должен наконец сказать?

Писанли. Скажите ему, как вы выиграли пять миллионов?

Бранден. Откуда вы взяли! Ничего я не выиграл!

Писанли. Выиграл, выиграл! Я же по глазам вижу.

Бранден. Оставьте меня, пожалуйста, в покое!

Кинооператор. Ух, какой хитрый! (Бешено накручивает.) Вот это актюалите!

Бранден. Да не выиграл я, не выиграл. (Портному.) Что вы меня обмериваете? Что, вы мне гроб хотите заказать?

Обозленный, расталкивает толпу.

Писанли. Одно из двух. Если не Бранден, значит - Лево. Слушайте, господин Лево, вам не нужен толковый, талантливый, со средним и высшим образованием, непьющий приват-доцент на должность кассира? А то растащат все до копейки. Увидите, все растащат. У Бонура уже все порастаскали.

Лево. Опять на меня! При чем тут я?

Писанли. Если не вы, значит - Бранден!

Бранден. Бросьте эти дурацкие штуки. Нет у меня ни копейки!

Мадам Бранден. Где ж ты в таком случае пропадал?

Бранден молчит.

Мадам Лево. А где ты гулял, голубчик?

Лево молчит.

Писанли. Темнят, темнят! Скрывают! До чего люди стали хитры! Один из них безусловно выиграл! О чем говорить! Снимайте обоих вместе. Потом в лаборатории разберете, кто из них настоящий.

Но политические враги не обнаруживают никакого желания приблизиться друг к другу. Писанли подталкивает их. Они упираются.

Кинооператор. Ближе, ближе! Я иначе не могу снимать.

Игра продолжается. Их сводят, они расходятся.

Лево (шепотом жене). Зачем мне сниматься? Клянусь тебе, что я ничего не выиграл.

Мадам Лево. Значит, выиграл Бранден?

Лево. Значит, выиграл Бранден.

Мадам Лево. Теперь он нас погубит. Нужно мириться.

Лево. Я не буду мириться с этим негодяем.

Мадам Лево. Человек с пятью миллионами не бывает негодяем.

Шулер. Господин Бранден, снимайтесь, потом пойдем поиграем, у меня случайно с собой карты.

Бранден (жене). Чего они меня толкают! Я ничего не выиграл. Ты-то мне можешь поверить.

Мадам Бранден. Какое несчастье! Значит, выиграл Лево?

Бранден. Только он. Он куда-то сегодня ездил.

Неожиданно улыбаясь, подходит к своему врагу.

Лево с искательной улыбкой, но немного неуверенно, тоже движется ему навстречу.

Кинооператор. Вот, вот, еще ближе, еще, еще!

Бывшие враги сходятся и здороваются с необыкновенной учтивостью.

Лево. Я давно хотел вам сказать…

Бранден. Я сам хотел…

Лево. Я давно уже мечтал…

Бранден. Вот именно мечтал…

Лево. Разве дело в миллионах, господин Бранден?..

Бранден. Дело в дружбе, господии Лево.

Лево. Золотые слова. Вы вообще оратор замечательный.

Бранден. Ну какой же я оратор! Вот вы оратор. Я помню, какую трогательную речь вы произнесли на открытии скорой помощи. Вас забросали венками.

Лево. Но ведь идея скорой помощи принадлежит вам, господин Бранден.

Бранден. Нет, нет, только не мне. Вам, исключительно вам, господин Лево.

Лево. Вы знаете, в последнее время мне как-то стали очень близки идеи вашей республиканско-радикальной партии. Даже ближе, чем идеи радикальных республиканцев, честное слово.

Бранден. Это просто удивительно. Со мной происходит то же самое.

В продолжение разговора они, взявшись под руки, прогуливаются. За ними неотступно следует толпам Когда они останавливаются, останавливаются все. Только они начинают двигаться, за ними двигаются остальные. С последней репликой они, уступая место друг другу, входят в дверь “Веселой устрицы”.

Толпа следует за ними, все рассаживаются за столиками.

На первом плане остается Писанли и шулер.

Писанли. Одно из двух - либо выиграл Лево, либо выиграл Бранден. Если выиграл Лево, это уже хорошо. А если выиграл Бранден, то это еще лучше.

Та же площадь между “Другом желудка” и “Веселой устрицей”.

Посреди площади новый столб с большой таблицей:

ОБЪЕДИНЕННАЯ СКОРАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ,

УЧРЕЖДЕННАЯ ТЩАНИЕМ ГГ. ЛЕВО И БРАНДЕНА

Кошка г. Брандена и собака г. Лево кротко лакают из одной мисочки.

Старый Мак-Магон, заливаясь дружелюбным смехом, вместе с Тити вертит одну мороженицу.

На стене заведения Лево висит афиша:

На выборах мэра голосуйте за лучшего гражданина нашего города г. Виктора Брандена. Это вам говорит старин Лево.

Огюст Лево.

Рядом с ней другая афиша:

ГРАЖДАНЕ!

Если вам дорого благо общества, голосуйте только за старика Лево.

Виктор Бранден.

Предводимая любительским оркестром, направляется в мэрию свадебная процессия Андре и Люси.

Молодые люди счастливы.

Бережно поддерживая друг друга, за ними идут государственные мужи.

Писанли - шафер.

На лицах жен государственных мужей можно легко прочесть, что обе они довольны выгодной сделкой.

Идут расфуфыренные гости.

Кинооператоры снимают торжество.

Репортер делает заметки в записной книжке.

Процессия входит в здание мэрии.

Площадь совершенно пуста.

Раздаются громкие и разнообразные звуки автомобильных сигналов, и на площадь быстро въезжают четыре автомобиля.

В первом из них, длинной и дорогой легковой машине, развалившись на роскошном сиденье, полулежит с сигарой в зубах уже известный нам мелкий парижский служащий, выигравший пять миллионов франков. Он во фраке и цилиндре. (Так и ехал.)

Второй автомобиль, небольшой автокар, битком набит парижскими [.?.], вывезенными, как видно, целиком из какого-нибудь кабаре.

В третьей машине, грузовике, помещается походный бар со стойкой. Там сидят скучающий гарсон с подносом и салфеткой и бармен, сбивающий коктейли.

В четвертой машине сидит негритянский джаз из шести человек.

Кортеж останавливается у бензиновых колонок.

Шоферы гудят, вызывая людей, но никто не появляется.

Миллионер (кричит). Гарсон!

Гарсон сейчас же выскакивает из грузовика и мчится с бокалом шампанского.

Миллионер выпивает шампанское, вылезает из машины и начинает разгуливать по площади небрежно-развинченной походкой.

Шоферы гудят. Никто не выходит.

Девушки щебечут в своем автокаре.

Но вот двери мэрии открываются, и оттуда появляется процессия. Впереди - молодые. За ними - Лево и Бранден.

Миллионер с трудом прилаживает к глазу монокль и презрительно смотрит на процессию.

Миллионер. Гарсон!

Гарсон немедленно подносит шампанское.

Миллионер. Здоровье новобрачных! (Пьет.) Горько.

Молодые целуются.

Миллионер (кричит). Джаз!

Негры играют.

Миллионер. А теперь танцы. У нас на каждой остановке танцы. Уже шесть раз после Парижа танцевали. Могу я себе позволить!..

Девушки отплясывают.

Жители города поражены до глубины души.

Миллионер. По местам!

Гарсон и девушки занимают места.

Шоферы кончают набирать бензин.

Миллионер (обернувшись с подножки автомобиля). Что это за город такой странный?

Писанли (почтительно приближаясь). Бург-сюр-Орм, ваше высокопревосходительство.

Миллионер. З-знакомое наз-звание. Что-то я про него слышал. Он чем-нибудь прославился?

Писанли. А как же. Ведь тут человек выиграл пять миллионов и пожелал

остаться неизвестным.

Миллионер. Что? Что? (Вспоминает.) Бург-сюр-Орм!.. А-а-а… (Заливается страшным смехом. Это почти припадок.) Вспомнил! Поздравляю вас! Человек, пожелавший остаться неизвестным, это я! Пять миллионов - это тоже я. Правда, уже осталось четыре, но это чепуха. А что касается города, то я пошутил, господа. Неужели вы приняли всерьез? Могу я себе позволить невинную шутку?

Мэры каменеют.

В толпе - смятенье. Кинематографисты бросаются снимать миллионера.

Шулер вскакивает на подножку.

Шулер. Разрешите представиться. Граф Пикардийский, последний отпрыск благородного рода.

Миллионер. Ах, как я рад, граф! (Жмет ему руку.) Я так давно хотел познакомиться с настоящим аристократом и именно графом. Едем со мной! А, граф! Едем! По дороге поиграем в картишки. А? Едем! Я угощаю.

Шулер, ловко и бесшумно, как хищник, прыгает в машину.

Играет джаз.

Миллионер машет на прощанье рукой.

Машины трогаются.

Кинооператоры приспособили в качестве передвижки скорую помощь Лево и катят за миллионером, бешено крутя ручки аппаратов.

Блестящее видение скрывается.

Лево и Бранден все в том же горестном окаменении.

Лево (Брандену). Значит, вы не выиграли?

Бранден. Позвольте, ведь вы же выиграли!

Лево. Если вы не ездили в Париж за выигрышем, то где вы были?

Бранден. А вы где были, если не ездили в Париж?

Появляется полицейский с Лилиан и вором, у которого в руках две пары штанов.

Бранден. Мои брюки!

Лево. Мои брюки!

Полицейский отдает каждому по паре.

Мадам Бранден. Так вот где ты был!

Бранден (Лево). Так вот где вы были!

Лево (Брандену). А вы где были?

Мадам Лево (мужу). Нет, ты лучше скажи, где ты был?

Бранден машинально запускает руку в карман штанов и находит там донос, написанный Лево.

Аналогичный донос Лево находит в своем кармане.

Бранден. Это вы писали?

Лево. А это вы писали?

Бранден. Мерзавец!

Лево. Негодяй!

Оба хватаются за сердце.

Жены их растаскивают.

Тити дает пинок Мак-Магону.

Старик успевает дать сдачи.

Собака Лево гонится за кошкой Брандена.

Война возобновляется по всей линии.

Сценарий звукового кинофильма. - Впервые опубликован в журнале “Искусство кино”, 1961, э 2. Сценарий был написан в декабре 1933 года в Париже. При жизни авторов не печатался.

В 1933 году Ильф и Петров вместе с моряками на кораблях Черноморского флота посетили с визитом дружбы Грецию и Италию. Из Рима они уже вдвоем возвращались на родину через Вену, Париж, Варшаву. В Париже они задержались и по заказу французской кинофирмы “Софар” написали сценарий звукового фильма.

Ильф и Петров работали над новым сценарием десять дней. В письме к жене от 22 декабря 1933 года Ильф сообщал: “Мой день такой. Несколько дней (10) были скучны - утром работа, потом торжественный обед, потом работа, и все. Теперь я уже свободен. С сегодняшнего утра. Доволен, конечно, ужасно. Сценарий вчера сдавали. Он понравился, смеялись очень, падали со стульев… Уговаривают нас еще остаться… В общем, имени мы не посрамили”.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства хранится отношение Полномочного представительства СССР во Франции Министерству иностранных дел Франции с просьбой продлить И.Ильфу и Е.Петрову визу на пребывание во Франции до 25 января 1934 года, “чтобы дать им возможность закончить работу согласно контракту, заключенному с кинофирмой “Софар” (ЦГАЛИ, 1821, 23).

Фильм по сценарию Ильфа и Петрова поставлен не был.

Работая над парижским сценарием, Ильф и Петров использовали некоторые ранние свои заготовки. Так, например, комический эпизод с платочком, который в самом начале сценария девушка роняет на колени молодому человеку, вырос из записи, сделанной Ильфом в своей записной книжке еще в 1930 году: “Молодой человек в трамвае, девушка и платок” (ЦГАЛИ, 1821, 125).

Характерно, что, изобразив быт и нравы маленького, провинциального французского городка, Ильф и Петров удачно продолжили традиции целого ряда французских комедийных фильмов 30-х годов и в какой-то степени предвосхитили появление фильмов более позднего времени. Вспомним хотя бы известную советским зрителям талантливую французскую сатирическую комедию “Скандал в Клошмерле”.

Рукопись сценария отсутствует.

Печатается по черновому варианту машинописной копии, хранящейся у М.Н.Ильф. Этот текст не был подготовлен авторами для печати. В оригинале есть фразы с пропусками слов. В этих случаях в тексте ставится знак вопроса в прямых скобках [.?.]

ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА

По небу, над крышами города, летят детские воздушные шарики. Они летят один за другим. Их становится все больше и больше.

Прохожие удивленно следят за их полетом.

Шары вылетают из-за деревьев бульвара.

На бульваре молодой ИТР Скамейкин ощипывает большую гроздь воздушных детских шаров. Шары улетают. Он гадает. Бормочет то с надеждой, то с отчаянием:

- Любит! Не любит. Любит. Не любит. Лю-бит. Не лю-бит. Ура, любит!

Бросается он со всех ног с бульвара.

К зданию цирка подъезжает такси. У главного входа толпится народ. Люди торопятся к вечернему представлению.

Висит огромная афиша с изображением красавицы и надписью:

АМЕРИКАНСКИЙ АТТРАКЦИОН

”ПОЛЕТ НА ЛУНУ”

АЛИНА И ФРАНЦ,

Первое представление

Из такси высаживается Скамейкин с букетом в руках. Делает жест женщине-шоферу подождать и устремляется в артистический подъезд.

Кулисы цирка во время вечернего представления. Гимнасты перед выходом выгибаются, разминая тело. С арены слабо доносится музыка. У входа в конюшню стоит директор цирка Людвиг Осипович. Перед ним “неустрашимый капитан” Язычников со своей говорящей собакой. И капитан и собака представляют собой фигуры весьма печальные.

Капитан. Пожалейте собачку, товарищ директор. Дайте собачке дебют.

Директор. Не дам.

Капитан. Я же мировой аттракцион. Меня же в Саратове на афише вот такими буквами печатали. (Показывает, какими буквами его печатали в Саратове.) “Неустрашимый капитан” Язычников и его говорящая собака Брунгильда”.

Директор. Отстаньте вы от меня с вашим барбосом.

Капитан. Зачем же обижать собачку? Ее саратовская общественность на руках носила. Разве станет саратовская общественность простого барбоса на руках носить.

Директор. У вашей собаки невыдержанный репертуар. Можете понять? Не современный, не зовущий, не мобилизующий.

Капитан. Товарищ директор. Она же всего три слова говорит.

Директор. Да, но какие три слова! “Люблю”, “елки-палки” и “фининспектор”. Вы просто хочете меня погубить. Это беззубое

зубоскальство! Нет, такой мелкобуржуазной собаке нужно дать по рукам!

Капитан. Собаке по рукам?

Директор. Да, да. По лапам. И покуда у нее не будет наш, созвучный, злободневный репертуар, я ее на арену не выпущу.

Появляется запыхавшийся Скамейкин и, отпихнув капитана, подступает к директору.

Скамейкин (торопливо). Скорей, скорей, меня ждет такси. Понимаете? Счетчик стучит. Каждая минута стоит гривенник. Так что давайте кончим наконец это дело.

Директор. Что вы от меня все хочете?

Скамейкин. Я прошу руки вашей дочери. И давайте поскорей, потому что я за ней приехал в такси. А счетчик стучит. А денег кот наплакал.

Директор. Значит, если у вас стучит такси, я должен вам отдать в разгаре сезона мою дочь, лучшую наездницу. А если у вас будет стучать пароход, я должен буду отдать вам весь балет?! Так, по-вашему?

Капитан. Пожалейте собачку, товарищ директор. Зайдите в сущность вопроса.

Скамейкин. Я не могу ждать ни минуты. Вы хотите, чтобы меня шофер искалечил?

Директор хватается за голову и начинает отступать.

Капитан с собакой и Скамейкин наседают на него.

Капитан. Не мучьте собаку, товарищ директор. Дайте собаке дебют!

Скамейкин. Меня такси ждет. Я специально отпуск взял, чтобы жениться, а вы мне срываете свадьбу.

Директор отступает к своему кабинету, неожиданно скрывается там и захлопывает за собой дверь.

Скамейкин стучится в дверь. Из кабинета слышится гневное рычание директора.

В дверь робко стучит “неустрашимый капитан” и царапается собака. Новое рычание директора.

Быстро подходит Мартынов. В руке у него чемодан. Он явно с вокзала. Стучится в кабинет.

В кабинете раздается грохот, дверь распахивается и в [1 неразобр.] появляется совершенно разъяренный директор.

При виде Мартынова ужасающая улыбка на его лице превращается в лучезарную. Он обнимает Мартынова, целует его и тащит в кабинет.

Дверь снова закрывается.

Капитан покорно садится у двери сторожить директора. Собачка устраивается у его ног.

Скамейкин мечется со своим букетом. На секунду лицо его искажается страхом.

Перед цирком стоит такси. Женщина-шофер дремлет. Счетчик мелодично стучит. Он показывает шестнадцать руб. пятьдесят коп.

(С этой минуты действия Скамейкина иногда сопровождаются нежной музыкой, изображающей стук счетчика.)

Скамейкин устремляется в проход, ведущий на арену, где стоит униформа.

На арене предмет его любви - наездница Раечка делает вольтнус. Номер обычный: толстая белая лошадь с широкой спиной, и на лошади цирковая красотка с гримасой счастья на лице.

Скамейкин “переживает”. Он закрывает глаза, восхищается, неистово хлопает, призывая взглядами соседей присоединиться к этим восторгам. Публика равнодушна.

Скамейкин бросает на арену букет.

Раечка, окончив номер, появляется за кулисами.

Скамейкин хватает ее за руку и тащит за собой.

Скамейкин. Скорей, скорей!

Раечка. Что за паника?

Скамейкин. Кошечка, я специально взял отпуск, чтобы жениться. Сейчас каждая минута буквально драгоценна.

Раечка. Ты в самом деле меня любишь?

Скамейкин. Люблю, люблю.

Раечка. И я тебе в самом деле дорога?

Скамейкин. О! Безумно дорога! Каждая минута стоит гривенник.

Раечка. Как это вдруг все… так… сразу?

Скамейкин. Цыпа, едем! Я так люблю тебя, что не могу ждать ни минуты.

Раечка. Но все-таки ты хотя бы расскажи, как мы будем жить.

Скамейкин. О, мы будем жить замечательно. Я - ИТР, состою в ИТС, служу в НКПС, имею ЗР, записался в РЖСКТ - одним словом, едем.

Раечка. Хорошо. Только сначала я должна переодеться.

Скамейкин. А такси?

Раечка. Такси подождет. (Запирается в своей уборной.)

Скамейкин. Такси подождет! Начнется, кажется, медовый месяц в милиции.

Скамейкин лихорадочно считает деньги.

Скамейкин. Двенадцать рублей. Что будет? (Задумывается.)

Мелодия счетчика.

На арене устанавливают аппаратуру аттракциона “Полет на луну”. Участник полета мистер Франц Кнейшиц в Халате поверх трико лично проверяет установку. Это очень вежливый человек. Когда он чего-нибудь просит во время подготовительной работы, - например, получше закрепить трос, - он обязательнейшим образом улыбается, за все благодарит, раздает маленькие грошовые подарочки - какие-то нового образца запонки, булавки, резиновые фокусы и тому подобное. Его карманы набиты этой дрянью.

Он уходит за кулисы.

Дается полный свет. На арену выходит шпрех-шталмейстер, человек в визитке и со стоячим крахмальным воротником. Говорит отвратительным насморочным голосом, каким принято говорить в цирке.

Шпрех-шталмейстер. Первое выступление знаменитых американских артистов Алины и Франца в их знаменитом номере “Полет на луну”.

Музыка. Выход Алины и Франца в полном блеске прожекторов и костюмов.

В боковом проходе появляются полускрытые портьерой директор и Мартынов.

Директор. Ну как? Хороша птичка?

Мартынов. Ого!

С профессиональным интересом следит за тем, как Алина раскланивается с публикой. Красавица горда и неприступна. Кнейшиц, напротив, сияет. Его стиль - “глубоко свой парень”.

Директор. А сколько валюты стоит мне эта птичка. Две тысячи долларов в месяц, плюс гостиница. Только сегодня я отвалил Алине, этому летающему крокодилу, тысячу долларов. Ах, сколько можно было бы на эти деньги накупить зверей. Жирафы, гуси, антилопы…

Мартынов. Погоди, дай посмотреть.

Директор. …Зебры, слоны, удавы, змеи! Такое перо вставил бы Гагенбеху.

Мартынов уже не слушает. Он увлечен зрелищем. Посредине арены стоит огромная пушка, направленная жерлом к куполу. Кнейшиц вкладывает Алину в пушку, как снаряд. Затем скрывается в ней сам.

Алина по пояс высовывается из жерла пушки. Она поет песенку на английском языке. Содержание песенки: “На земле для меня нет счастья, и я покидаю ее и отправляюсь на луну”.

Происходит выстрел. Алина взлетает кверху и, сделав сальто в воздухе, попадает на площадочку, которая приводит в движение механизм и производит новый выстрел из пушки. На этот раз из жерла вылетает Кнейшиц и попадает на площадку, расположенную над первой. Снова приводится в движение механизм, который подбрасывает Алину с ее площадки под самый купол. Алина пробивает насквозь луну из папиросной бумаги и оказывается на самой верхней площадке, скрытой до сих пор луной.

Аплодисменты. Овация.

Директор. Ну?

Мартынов. Хорошая работа.

Директор. Сам знаю, что хорошая. Но ведь это же валюта! Валюта плюс гостиница. А мне нужен такой самый номер, только без валюты. И минус гостиница. Можешь сделать такой?

Мартынов аплодирует Алине, которая по веревке спускается из-под купола.

Мартынов. Ты, я вижу, не дурак.

Директор. У-у, я очень умный. Ну, так как же? Сделаешь? Мы же должны все своими руками из своих материалов. На настоящем этапе…

Мартынов. Что ты меня агитируешь? Что я тебе, интурист? Я думаю, сделать можно. Попробую.

Директор. Ну! В самом деле? Честное слово? Дай я тебя поцелую. От имени дирекции (целует), От имени месткома (целует). От имени организованного зрителя (целует). От имени валютного управления Наркомфина!..

Мартынов. Ты подожди целоваться. Ты мне найди сначала другую такую Алину.

Директор. Верно, верно. Кто ж у нас в штате? (Загибает пальцы.) Горбова в Казани, Раздговская не годится. Перлова не годится. Никого нет.

Мартынов вынимает записную книжечку и зарисовывает внешний вид пушки.

Возвращающийся с арены Кнейшиц подозрительно заглядывает через плечо Мартынова. Мартынов, вовремя это заметивший, переворачивает листок и рисует профиль Алины. Кнейшиц криво улыбается. И снова идет раскланиваться.

Алина и расточающий улыбки Кнейшиц проходят каждый в свою уборную. Кнейшиц галантно пропускает Алину вперед.

У подъезда такси. Счетчик показывает тридцать пять рублей. Женщина-шофер уже не сводит глаз с артистическою подъезда.

У дверей Раечкиной уборной мечется Скамейкин. Он лихорадочно считает деньги. Музыка выстукивающего таксометра. В кошельке все те же двенадцать рублей.

По цирковому коридору, мимо клоунской бутафории, тумб для дрессированных животных, мимо пожарного и музыкальных сатириков, перед которыми везут пианино на колесиках, отчаянно жестикулируя, идут директор и Мартынов. За ними плетется “неустрашимый капитан” со своей собачкой.

Кнейшиц, уже в обычном костюме, выходит из дверей своей уборной, останавливает проходящего мимо шпрех-шталмейстера и, обаятельно улыбаясь, вручает ему подарочек - открытку с выпуклым изображением кошечки; если кошечку придавить пальцем, раздается мяуканье. Шпрех-шталмейстер потрясен.

Кнейшиц, продолжая улыбаться, входит в уборную Алины.

Лицо его тотчас же изменяет свое выражение. Оно делается наглым и мрачным.

Алина, заканчивающая свой туалет, боязливо оборачивается. Сейчас она тоже уже не та, какой казалась на людях - милое, нежное и совсем не гордое лицо.

Кнейшиц (повелительно). Money! {1}

Алина с досадой, но покорно вынимает из ящика деньги и кладет их на стол.

Кнейшиц. This is not all. Where is the rest? {2}

Алина. It’s impossible! I can’t bear it! {3}

Кнейшиц. Money!

С силой хватает ее за руку. Отбирает оставшиеся деньги.

Алина (вырываясь). What do you want? Why do you hate me? {4}

Кнейшиц. I love you. {5}

Хочет ее обнять. Алина с отвращением отталкивает его руками. Борьба.

Скамейкин и Раечка с чемоданом и картонкой, взявшись за руки, бегут по коридору.

Внезапно дорогу им загораживает директор с Мартыновым.

Директор. Стоп, стоп.

Мартынов (не сводя глаз с Раечки). Позвольте, позвольте, а твоя Раечка нам не подойдет? Она девушка способная.

Директор. Способная? Правда? Вся в папу. А?

Раечка и Скамейкин, ничего не понимая, топчутся на месте.

Мартынов (со всех сторон оглядывая Раечку и даже поворачивая ее руками). Как будто бы немного толстовата.

Директор. Ты находишь? А вот мы ее посадим на диету, она у нас живо похудеет.

Скамейкин (нахально). Пардон, что это все значит? Почему Раечка должна худеть. Я именно люблю толстеньких.

Директор (не обращая внимания). Так берем Райку. Великолепно. (Раечке.) Будешь делать с Мартыновым полет на луну, вроде Алины.

Мартынов. Даже лучше назвать “Полет в стратосферу”.

Раечка. Я? Полет на луну! В стратосферу!

Бросается к отцу на шею.

Скамейкин. А как же я?

Директор. Что вы?

Скамейкин. Я же специально отпуск взял, чтобы жениться. Ведь нас такси ждет. Счетчик стучит.

Директор. Ну и пусть стучит.

Раечка (торжественно). Милый Ваня, я жертвую любовью для искусства.

Скамейкин плачет.

Раечка. Что ж ты ревешь? Тогда я тоже буду реветь. (Плачет.) Через год я буду знаменитая, и мы тогда поженимся.

Директор. Слышали? Через год.

Скамейкин. Но ведь у меня такси стучит.

Директор. Постучит год, и все уладится.

Неожиданно для всех Скамейкин делает скачок в сторону и убегает с необыкновенной быстротой.

Оставшиеся с удивлением осматриваются. Мимо них громадная, величественная и молчаливая, медленно проходит женщина-шофер с гаечным ключом в руках.

Директор, Мартынов и Раечка провожают ее глазами. Готовится расправа над Скамейкиным.

Преследование Скамейкина по пустому цирку. Скамейкин пробегает по трибунам, прыгает в ложи, на секунду с обезумевшим от страха лицом появляется в оркестре. И повсюду неотступно движется за ним шоферша с смертоносным гаечным ключом в руках.

Наконец Скамейкин прячется в оставшейся на арене пушке.

Снова в уборной Алины.

Алина в слезах сидит за своим туалетным столом.

Кнейшиц сердито ходит по комнате.

Стук в дверь.

Кнейшиц немедленно преображается. Он снова становится добродушным малым. Алина вытирает слезы и поспешно пудрится.

Входят директор, Мартынов и Раечка. За ними пытается проникнуть “неустрашимый капитан” с собакой, но директор успевает незаметно его вытолкнуть. Вошедшие не могут не заметить, что между Алиной и Кнейшицем что-то произошло. Поэтому натянутость.

Директор. Позвольте вам представить. Мартынов. Один из лучших наших цирковых артистов.

Кнейшиц. Я довольно очень рад meet mr. Martinov, please {6}.

Алина подает Мартынову руку. Он пожимает ее и видит, что рука над кистью покрыта синяками.

Заметив это, Алина отдергивает руку. Алина и Мартынов встречаются взглядами.

Директор (держит себя с иностранцами неестественно вежливо и, как ему кажется, дипломатично). Разрешите от имени дирекции пригласить вас на ужин, имеющий быть сейчас в ресторанном зале отеля “Монополь”.

Кнейшиц. Позвольте восблагодарить вас. Госпожа Алина будет весьма рада. Я буду готов через пять минут.

Уходит.

Директор (Мартынову). Ну, как тебе нравится эта акула капитала?

Мартынов. Ты с ума сошел.

Директор. Да она ни слова по-русски не понимает.

Директор улыбается Алине, Алина улыбается Мартынову, Мартынов бросает великосветские взгляды на Раечку. Все беспрерывно обмениваются поклонами.

Директор. Ты, Мартынов, за ней поухаживай. Это нашему делу не повредит. Может быть, узнаешь какие-нибудь детали аттракциона.

Внезапно Алина разражается русской речью, измененной почти до неузнаваемости английским акцентом.

Алина. Чемодан. Здравствуйте. Спасибо. Извошник.

Все смеются. Алина смеется и сама.

Женщина-шофер бродит по галерке в поисках Скамейкина.

Кнейшиц на полуосвещенной арене проверяет аппаратуру, прежде чем закрыть ее брезентом.

Он нажимает рычаг пушки.

Выстрел. Из пушки с ужасным криком вылетает Скамейкин, описывает громадную кривую и попадает на галерку, прямо в объятия шоферши. Кнейшиц поражен.

Шоферша несет Скамейкина на руках, как котенка.

Скамейкин. Куда вы меня несете?

Шоферша. В милицию.

Скамейкин. Ей-богу, я заплачу. Честное слово. В конце концов я не уклоняюсь. Поедем сейчас на Арбат, к моим знакомым. Я у них займу денег вам отдам.

Шоферша нерешительно опускает Скамейкина” на землю, но все-таки придерживает его рукой.

Шоферша. Честное слово?

Скамейкин. Честное слово Скамейкина. Только на Арбат.

Служащий цирка переводит рубильниии на распределительной доске. Одна за другой тухнут лампы.

Цирк погружается во мрак.

Музыка, построенная на мотиве счетчика. Под эту музыку идет следующая сцена.

Такси Скамейкина останавливается перед домом. Скамейкин выскакивает из машины и хочет идти наверх один, но шоферша уже ничему не верит и отправляется вместе с ним.

Таксометр показывает восемьдесят пять рублей.

Скамейкин и шоферша входят с черного хода в большую коммунальную квартиру. Проходят через кухню, где задыхается последний примус. Войдя в коридор, Скамейкин стучится в дверь, но на двери висит приколотая булавкой бумажка:

”Уехал в Тулу. Буду через два дня. Ключ у Клавдии Константиновны”.

Скамейкин вбирает голову в плечи, трусливо оборачивается и сталкивается с непреклонным взглядом шоферши. Лик ее ужасен. Она похожа на Петра Великого во время Полтавской битвы.

Такси подъезжает к другому дому.

Таксометр показывает сто один руб. шестьдесят коп.

Скамейкин бьется в запертую дверь. Никто не отпирает. Едут дальше.

В комнате скамейкинского знакомого. Стоит знакомый, студенческого вида молодой человек, и выворачивает карманы, Скамейкин стоит перед ним на коленях. Шоферша стоит в дверях, скрестив на груди могучие руки.

Скамейкин и шоферша выходят из дома.

Скамейкин робко заглядывает в таксометр.

Таксометр показывает сто двадцать пять рублей

Скамейкин падает без чувств на руки шоферши.

Она кладет его в машину, и они катят дальше под все усиливающуюся музыку счетчика. Эта мелодия переходит в музыку большого гремучего ресторанного оркестра.

Ужин в большом зале ресторана “Монополь” Большой джаз, фонтан, шелковые абажуры, танцующие пары, одним словом висячие сады Семирамиды в Москве с подачей крепких напитков. За столиком ужинают Алина, Раечка, Мартынов, Кнейшиц и директор

Раечка придвигает к себе блюдо с громадной котлетой.

Директор (отодвигая блюдо). Этого тебе нельзя.

Предлагает блюдо Алине.

Раечка берет салат.

Мартынов. Этого тебе нельзя. (Любезно пододвигает салат Алине.)

Раечка готова зареветь.

Кнейшиц. Такая правда прекрасная красивая девушка. Зачем ей правда нельзя немножко кушать?

Директор. Ни под каким видом. Доктор, доктор запретил.

Поспешно очищает столик вокруг Раечки.

Официант подает ей стакан чаю и одинокий сухарик на блюдечке. Раечка оскорблена.

Мартынов зарисовывает в книжечку голову Алины

Алина наклоняется к нему, чтобы заглянуть в книжечку. Он быстро переворачивает листик, и Алина видит пушку. Мартынов рисует целую карикатуру. Тут и Алина, вылетающая из пушки, и аплодирующая публика, и Кнейшиц. Алина, наклонившись к Мартынову и смеясь, следит за его работой.

Кнейшиц приглашает ее танцевать. Алина отказывается.

Кнейшиц приглашает Раечку.

Они танцуют.

Во время танца Кнейшиц не спускает глаз с Алины и Мартынова.

Он танцует автоматически. Когда Алина слишком близко наклоняется к Мартынову, он даже останавливается. Это уже ревность.

Оркестр смолкает.

Кнейшиц и Раечка идут к столу.

Кнейшиц останавливается за спиной Алины и Мартынова, которые увлечены чтением вслух меню на английском и русском языках.

Происходит своеобразное изучение русского языка.

Алина (читает). Salad “Spring”.

Мартынов. Салат “Весна”.

Алина. Са-лат “Весна”.

Мартынов. Мне нравится “Весна”.

Алина. What does “мне нравится” mean?

Мартынов изображает, что это означает: возводит глаза к небу, преувеличенно страстно прижимает руку к сердцу.

Алина смотрит на него, подняв брови, и никак не может понять. Наконец догадывается.

Алина. А-а-а. I like it. Мне нравится. I like salad. Мне нравится салат.

Мартынов (поправляет ее произношение). Мне нравится салат.

Кнейшиц с неожиданной грубостью отстраняет Мартынова.

Кнейшиц. Мне тоже нравится салат, господин Мартынов.

Мартынов вскакивает.

Мужчины стоят друг против друга, готовые схватиться. Алина легко вскрикивает.

Директор встает с места.

Раечка, пользуясь смятением, быстро набивает рот едой.

Люди, сидящие за соседними столиками, оглядываются. Происходит общее движение.

В тот миг, когда столкновение кажется уже неминуемым, на лице Кнейшица появляется чарующая улыбка.

Он вынимает из жилетного кармана автоматический карандашик и с поклоном преподносит его Мартынову.

Все приходит в норму. Скопившееся в зале электричество разрядилось. Висевшая в воздухе пощечина улетучилась.

Гордец Мартынов, не желая остаться в долгу, дарит Кнейшицу брелок, изображающий свинку.

Кнейшиц еще более любезно подносит Мартынову маленькую стальную рулетку.

Мартынов дарит Кнейшицу коробку папирос.

Кнейшиц Мартынову - трубку.

Мартынов Кнейшицу - часы.

Кнейшиц озадачен. У него истощился запас подарков. Он дарит Мартынову только что полученный от него брелок. Мартынов дарит Кнейшицу его же карандашик. В результате возвращают друг другу все подарки и остаются при своих.

Раечка с полным ртом таращит глаза от удивления.

В ресторан, шатаясь, входит бледный, изнуренный Скамейкин. За ним по пятам следует шоферша с неизменным гаечным ключом.

Скамейкин подсаживается к столику директора.

Шоферша (мрачно). Уплатить надо, гражданин.

Скамейкин (оттягивая час расплаты, с деланной развязностью). Сейчас, сейчас. Познакомьтесь, пожалуйста, мой лучший друг… э-э-э… гражданка…

Шоферша (басом). Ковальчук.

Здоровается со всеми за руку.

В это время Скамейкин пытается скрыться в толпе танцующих.

Шоферша бежит за ним, настигает его у фонтана и тащит к выходу.

Скамейкин, чтобы скрыть свой позор, делает вид, что танцует с шофершей.

Это - душераздирающая сцена. Она, хотя и идет под фокстрот, но напоминает танец апашей. Шоферша обеими руками держит Скамейкина за горло. Он болезненно улыбается и делает ногами па.

С дикой страстью она бросает его на пол. Он бодро вскакивает, делая вид, что так задумано.

Наконец она уволакивает его с собой.

Директор с гостями выходят из ресторана.

Скамейкин гостеприимно распахивает дверцу машины.

Все общество садится.

Скамейкин захлопывает за ними дверцу и удирает. Расплачиваясь, директор видит на счетчике громадную цифру - сто шестьдесят семь рублей.

Мартынов в своем номере. Он рисует Алину.

Весь стол и даже ковер на полу завалены изображениями Алины и пушки.

Видны ноги медленно расхаживающего по комнате человека.

Слышится его голос, раздельно диктующий:

- Чайник и чашка сто-ят на сто-ле. Написали? На сто-ле.

Ноги на мгновение останавливаются и снова начинают двигаться.

Голос продолжает:

- Пе-тя, Ми-ша и Ма-ша пошли в лес за гри-бами. За гри-ба-ми. Написали?

Аппарат открывает Мартынова, который дает урок русского языка Алине. В руках у него учебник. На диване сидит Кнейшиц, с нескрываемым отвращением наблюдающий эту сцену.

Алина склонилась над своими добросовестными каракулями.

Мартынов. А ну покажите, что вы написали?

Нагибается над диктовкой. Алина вопросительно смотрит на него.

Мартынов (незаметно гладит ее руку). Ничего. Удовлетворительно.

Снова начинается диктант.

Мартынов. Про-ле-тариат …ведет борь-бу с ка-пи-та-лом.

Кнейшиц морщится. Ему надоело сидеть, надоело ждать, надоело следить за Мартыновым и Алиной. Он безнадежно машет рукой и уходит.

Мартынов (радостно). С ка-пи-та-лом. Написали?

Начинает быстрее ходить по комнате. На секунду останавливается за спиной Алины.

Мартынов. Я, кажется, полюбил одну женщину. Алина (добросовестно пишет и повторяет). Я, кажется, полюбил… Что это полюбил?

Мартынов. Прошедшее время от глагола любить. Понимаете? Человек полюбил. Он уже раньше полюбил. Вчера, или позавчера, или полгода тому назад…

Алина. А сейчас, теперь он уже не любит?

Мартынов. Как не любит! Именно любит. Прошедшее время - Present perfect: я полюбил, настоящее время - Present tense: я люблю. Понимаете. Я полюбил и люблю. И буду любить. Это уже будущее время… Future.

Берет Алину за руку.

Раздается детский плач. Алина меняется в лице.

Мартынов. Что это? Тут плачет какой-то ребенок.

Алина. Нет тут, здесь нет никакого ребенка. Это, наверно, я думаю, на улице.

Мартынов. Что с вами?

Алина. Ничего. Будем писать еще. (Читает.) “Я, кажется, полюбил одну

женщину”.

Мартынов. Даже наверно полюбил, поскольку мне не изменяет память.

Мартынов хочет обнять Алину. Входит Кнейшиц. Мартынов отскакивает от Алины.

Кнейшиц. Я вижу, ваши успехи довольно порядочно велики?

Мартынов молча дарит ему кустарную матрешку, прощается с Алиной и уходит.

Кнейшиц. Я требую, чтобы вы больше не встречались с Мартыновым.

Алина. Это, наконец, невозможно. Вы не имеете на меня никаких прав.

Кнейшиц. Вы, кажется, позволяете себе кричать на меня? Вы забываетесь! Пусть дураки думают, что я жалкий партнер и раб летающей Алины. Хозяин здесь я! Не забудьте, что я знаю о вас то, чего никто не знает.

Снова слышится детский плач, Алина бросается в соседнюю комнату.

Кнейшиц (вдогонку). Прошу это помнить.

Арена цирка днем во время репетиции. Наверху на трапециях тренируется Раечка. Внизу столик и большие десятичные весы. Внизу, за столиком, на котором разложен чертеж пушки, сидит Мартынов и что-то вычисляет. Директор нервно похаживает вокруг.

Тут же на барьере сидит печальный капитан со своей Брунгильдой.

Капитан. Товарищ директор, собачка скучает без репертуара.

Директор. А почему я не скучаю без репертуара?

Капитан. Вы ж не собака.

Директор. Я не собака! Я еще хуже, чем собака. Я треугольник.

Секретаря ячейки послали на учебу, а председателя месткома бросили в шахту, теперь я за всех.

Появляется Скамейкин с коробкой конфет.

Скамейкин. Какой ужас! Бросили человека в шахту.

Директор. Ну да, в шахту. На культработу.

Капитан. Пожалейте собачку.

Директор. Да уж пожалел, пожалел, уже заказал репертуар для вашей дворняги.

Капитан оживает.

Скамейкин. Отдайте мне мою Раечку, мою птичку. Будьте человеком!

Директор. Да я уж вам объяснял, что я не человек, а треугольник, а поскольку я треугольник, я не могу разбазаривать артистов.

Скамейкин. Но поймите же, что я вступаю в роковой возраст. Мне надо жениться. Понимаете? Необходимо.

Капитан (отталкивая его от директора). Женитесь на ком-нибудь из кордебалета.

Скамейкин. Я уже предлагал. Кордебалет не хочет.

В это время Раечка спускается сверху. Скамейкин подносит ей конфеты. Раечка начинает их есть. Мартынов встает из-за стола с чертежом в руках.

Мартынов. Ну, вычислил. Человек, попадающий на первую площадку (показывает на чертеж), должен весить не больше, чем пятьдесят шесть кило.

Директор. Райка, полезай на весы.

Раечка, жуя конфеты, становится на весы.

Все толпятся вокруг. Мартынов накладывает гири. Наконец утиные

носики весов выравниваются. Общий крик ужаса. Директор хватается за голову.

Директор. Пятьдесят де-вять кило!! Зарезали! Убили! Повесили!!

Вырывает из рук Раечки коробку с конфетами и кидается на Скамейкина.

Директор. Это штуки Скамейкина. Вот кто с утра до вечера носит конфеты! Погубили! А все было так хорошо! Заказали пушку, сделали капиталовложения. И вот на тебе - три лишних кило!

В ярости швыряет коробку на арену. Собака ест конфеты из раскрывшейся коробки.

Мартынов. Вот что, Райка, с сегодняшнего дня никаких конфет, никаких пирожных. Прогулки на велосипеде и строжайшая диета. Иначе никакого полета в стратосферу у нас не выйдет.

Директор (ярится). Не есть, не пить, не курить, не плевать!

Раечка. Честное слово, я похудею.

Скамейкин. Не смей худеть! Ты знаешь мои вкусы!

На арене появляются три мрачные фигуры: Бука, Бузя и Бума - бригада малых форм.

Директор. Наконец-то! Пушкин, Гоголь и Толстой из ГОМЭЦа. Почему вы вчера не принесли репертуар?

Бука. У нас болела голова.

Директор. Как, у всех троих сразу болела голова?

Бука. А почему бы нет. Мы пишем втроем, и голова у нас болит втроем. Правда, бояре?

Директор. Ну ладно. Давайте, что у вас там?

Бука передает ему большую рукопись. Директор читает,

Директор. “Побольше штреков, шахт и лав, гав-гав, гав-гав, гав-гав”. Что это такое?

Бука. Репертуар для собаки.

Директор. Вот это для собаки? Сорок страниц на машинке? Что вы думаете, собака вам научный доклад будет делать?

Бука. А почему бы и нет?

Директор. Да, но ведь это же все-таки собака, так сказать, хунд. Она не может сорок страниц на машинке.

Бука. То есть как это не может? Идеологии в двух словах не бывает. Маркс написал три тома, а мы уложили все это в сорок страниц. И ему еще не нравится.

Капитан. У собаки свои запросы.

Бука. Пожалуйста, мы учли собачью специфику. Вот! (Вырывает у директора рукопись и читает.) “Разрушим старый мир р-р-р, р-р-р”. Чем плохо? А вот еще: “Построим новый мир, р-р-р, р-р-р”.

Директор. Брунгильда этого не может. Она собака.

Бука. В таком случае это чуждая нам собака.

Директор. Сколько раз я говорил себе не давать авансов разным проходимцам.

Бука. Аванс, аванс! Мы вам можем бросить в лицо ваши жалкие деньги.

Директор. Мне? В лицо?

Бука. Да. Вам.

Директор. Пожалуйста. Бросайте.

Бука. И бросим. Бояре, бросим?

Директор. Что ж вы не бросаете?

Бука. Сейчас бросим.

Бригада совещается, производит складчину и передает деньги Буке.

Бука торжественно выходит на середину арены и швыряет деньги в лицо директору.

Директор собирает деньги и подсчитывает их.

Директор. Что вы мне бросили в лицо. Двенадцать рублей? А взяли у меня пятьсот?! Сейчас же бросьте мне в лицо остальные! Слышите?

Бука. Мы бросим вам в лицо остальные через две недели.

Директор. Жулики!

Капитан. Брунгильда! Куси их! Куси!

Бригада (хором). Это бандитизм!

Удирают. Директор и капитан с собакой гонятся за ними.

Крик, лай.

Директор сидит за письменным столом в своем кабинете.

Мартынов сидит на диване. Входит униформа.

Униформа. Товарищ директор, Гаврилиос заболел. (Уходит.)

Директор. Заболел? Здравствуйте, я ваша тетя! Как я теперь дам программу без жонглера? Значит, мне самому кидать шарики? Хорошо. Вспомню старину. Буду кидать. Вот я уже не треугольник. Вот я уже четырехугольник. (Загибает пальцы.) Директор, местком, ячейка и жонглер. Но ничего, у меня сегодня хороший день.

Подходит к Мартынову и целует его.

Директор. От имени валютного управления Наркомфина.

Мартынов печально глядит на два плаката, висящие на стене:

СЕГОДНЯ

последнее выступление

АМЕРИКАНСКИХ АРТИСТОВ

Алины и Франца “Полет на луну”

и

ВПЕРВЫЕ ЗАВТРА В МОСКВЕ

новый светский аттракцион

”ПОЛЕТ В СТРАТОСФЕРУ”

Директор обнимает Мартынова. Мартынов вяло отбивается. Входит Кнейшиц. Холодно взглянув на Мартынова, он подсаживается к столу директора.

Кнейшиц. Мы завтра уезжаем, господин директор.

Услышав эту фразу, Мартынов хватается за шапку и быстро покидает комнату.

Кнейшиц беспокойно глядит ему вслед и делает попытку подняться.

Директор. Я вас слушаю, господин Кнейшиц. Что вы хочете мне сообщить?

Кнейшиц поднимается и делает шаг к двери.

Кнейшиц. Да нет… я… так.. До свиданья, господин директор.

Директор (выходит из-за стола и благодушно берет Кнейшица под руку).

Понимаете, господин Кнейшиц…

Мартынов громадными прыжками поднимается по лестнице гостиницы, где живет Алина.

Кабинет директора.

Директор. У вас был отличный номер, прекрасный аттракцион.

Кнейшиц делает вежливую попытку вырваться. Директор берет его за пуговицу.

Директор. Понимаете, сейчас мы сделали такой номер сами. Своими руками, из своих материалов

Кнейшиц (хочет уйти). Да, да, это очень интересно. (Беспокойно оглядывается.)

Мартынов в номере Алины. Обнимает ее. Мартынов. Решайте. Завтра будет уже поздно.

Кабинет директора.

Директор (держа Кнейшица за пуговицу). Понимаете, а на освобождающуюся валюту я накуплю хищников. (Отрывает пуговицу.) Простите.

Кнейшиц (нетерпеливо). Пожалуйста, пожалуйста. Очень интересно.

Директор (берется за вторую пуговицу). Во-первых, у меня будет слон, потом роскошный удав… Понимаете?..

Комната Алины. Продолжительный поцелуй.

Кабинет директора.

Директор (не выпуская Кнейшица). Но это все чепуха, господин Кнейшиц… Понимаете, я собираюсь строить новый цирк! (Отрывает вторую пуговицу.) Пардон. Понимаете, новый цирк!

Кнейшиц. Очень, очень интересно. (Рвется.)

Комната Алины. Поцелуй продолжается.

Кабинет директора.

Директор (держит Кнейшица за третью и последнюю пуговицу). Понимаете, и тогда я…

Кнейшиц вырывается и убегает.

В руке директора остается пуговица. Он удивленно ее рассматривает.

Кнейшиц быстро идет по коридору гостиницы.

Из номера Алины выбегает радостный Мартынов.

Мартынов и Кнейшиц сталкиваются лицом к лицу. Секунду они смотрят друг на друга. Расходятся.

По лицу Мартынова Кнейшиц видит, что произошло то, чего он больше всего опасался.

Вне себя Кнейшиц врывается в комнату Алины.

Кнейшиц. Он опять был у вас!

Алина. Я выхожу за него замуж.

Кнейшиц (в ярости). Что?! (Старается овладеть собой, хочет застегнуть пиджак, но все пуговицы оторваны.) Очень, очень интересно.

Алина. Ну поймите, я вас не люблю. Отпустите меня. Все равно я никогда не буду вашей женой.

Кнейшиц. Женой? Таких, как вы, не берут в жены! Я все расскажу вашему Мартынову.

Алина. Ну что вы хотите от меня? Я подчиняюсь вам во всем. Я отдаю вам все мои деньги. Чего еще вам нужно?

Кнейшиц. Мне нужны вы!

Алина. Этого никогда не будет.

Кнейшиц. Хорошо же!

Выбегает в соседнюю комнату и сейчас же появляется снова, волоча за собой маленького негритянского мальчика. Алина бросается к мальчику.

Кнейшиц. Женщине, у которой есть черный ребенок, не место в цивилизованном обществе. Вас отовсюду выгонят. Вам никто не подаст руки. Вам останется один путь - на улицу.

Алина. Пожалейте меня.

Кнейшиц. Откажитесь от Мартынова. Мы завтра уедем, и вы все забудете.

Алина. Я не могу.

Кнейшиц. В таком случае он узнает все еще до конца сегодняшнего представления.

Алина. Он мне все простит. Он любит меня.

Кнейшиц. Любит? Прежде всего у него белая кожа. Он станет вас презирать.

Алина плачет. Звонок телефона. Кнейшиц подходит.

Кнейшиц. Алло! Уже началось первое отделение? Мы выезжаем.

Алина и Кнейшиц едут в автомобиле, не глядя друг на друга.

В цирке идет представление. Кордебалет готовится к выходу в своих уборных.

Директор на арене заканчивает номер жонглера, которого он заменил.

Уходит с арены под жиденькие аплодисменты.

Раечка в цирковой конюшне. Мыкается, не может найти себе места. Замечает униформу с подносом в руках.

Раечка (оживляясь). Что это у вас?

Униформа. Морковка. Если кто желает покормить ученого ослика или зебру - штучка десять копеек.

Раечка. Ой, до чего люблю осликов. Дайте две штучки!

Ест морковку.

Раечка. Ах, как вкусно! Еще пять штук для зебры. (Ест.) Скажите, а слон ест морковку?

Униформа. Как же! Едят.

Раечка. Дайте сто штук. Для слона.

Жадно набивает рот.

За этим занятием ее застает Скамейкин.

Скамейкин. Раечка, птичка, ты ж себя губишь!

Раечка приходит в ярость.

Раечка. Не хочу быть птичкой, хочу кушать, лопать, есть мясо, рыбу, пирожные, конфеты! И убирайтесь вы все вон. Я тебя ненавижу. (Топает ногами.)

Скамейкин трусливо ретируется. Вид у него такой: "Пожалуйста! Не хотите - не надо. Я со своей красотой нигде не пропаду". Видит Алину, печально идущую в свою уборную, и сразу устремляется к ней.

Скамейкин. Какая красота! Дурак я буду…

Подходит к Алине и начинает разговор, почти поет. Во время разговора Скамейкин следует за Алиной.

- Скажите, вы хотели бы жить с любимым существом где-нибудь на краю света, в палатке, в пустыне, среди львов и лишений?

Алина (мечтательно). На краю света?

Скамейкин (осторожно). Ну, можно не на самом краю.

Алина. В палатке?

Скамейкин. Можно, конечно, и не в палатке. Можно в [1 неразобр.].

Алина. Среди лишений?..

Скамейкин. Ну, не особенных уж там лишений! Все-таки я ИТР, состою в ИТС, имею ЗР…

Издали эту сцену наблюдает Раечка.

Алина (еще более мечтательно). С любимым существом…

Она вздыхает, входит к себе в уборную и захлопывает дверь перед самым носом Скамейкина.

Скамейкин. Дошло! Ах, жалко, такси нет. Сейчас бы ее увез.

Уходит, потирая руки. Проходя мимо Раечки, гордо надувается.

Уборная Алины. Она пишет письмо, заглядывает в англо-русский словарь. Алина полуодета в цирковой костюм.

Разозленный директор, снимая одной рукой костюм жонглера, а другой держа журнал, мечется за кулисами. Обращается к толпящимся в ожидании выхода артистам.

Директор. Ну, товарищи, меня взяли за хобот. Пожалуйста, читайте, седьмая строка сверху.

На экране журнальная страница.

”В то время как организованный зритель приходит в цирк, чтобы проработать в занимательной форме ряд актуальных вопросов, ему подсовывают балет, состоящий не из пожилых трудящихся женщин, типичных для нашей эпохи, а из молодых и даже красивых женщин (!). Надо покончить с этой нездоровой эротикой. Интересно знать, куда смотрит треугольник цирка?”

Голос директора читает вслух последнюю фразу заметки: “Такому треугольнику надо дать по рукам”.

Капитан (злорадно). По лапам!

Директор. Мне по лапам?

Брунгильда радостно лает.

Входит балет, готовый к выходу. Директор в ужасе осматривает его.

Директор. Погиб, пропал! Как на подбор, одна красивей другой! (Фигуранткам.) Вы что, с ума посходили. Разве это нужно организованному зрителю? Очень ему нужны на данном этапе эти конечности и выпуклости.

Скамейкин лицемерно вздыхает.

Директор. Убрать все это. Чтобы ко второму отделению не было никакой нездоровой эротики.

Балет понуро уходит.

Вбегает униформа.

Униформа. Товарищ директор, у капитана Гарибальди грипп. Лежит.

Директор. Опять грипп! Я знаю этот грипп! Сорок градусов! Знаю я, где он лежит: под забором. Ну, что ж, сам буду львов укрощать! Сколько их там? Сто львов? Пожалуйста! Хоть сто двадцать! Вот я уже не треугольник и не четырехугольник, а пятиугольник. (Делает руками какие-то геометрические жесты.) Пифагоровы штаны на все стороны равны.

Приоткрывается дверь. Алина выглядывает из своей уборной с письмом в руках. Она манит к себе пальцем униформу.

Алина. Сейчас же найдите товарища Мартынова и передайте ему это письмо.

Униформа принимает письмо.

Эту сцену видит Кнейшиц, выглядывающий из соседней уборной.

Как только Алина закрывает свою дверь, Кнейшиц выходит и отбирает лисьмо у униформы.

Кнейшиц. Я передам господину Мартынову.

Возвращается к себе в уборную, вскрывает конверт и читает письмо.

Текст письма:

”Вам могут сказать обо мне ужасные слова. Я не стану оправдываться. Нам необходимо сейчас же встретиться. Ждите меня у левой кулисы. Я на краю гибели. Мне угрожает опасность от человека, навязывающего мне свою любовь. Знайте, что я люблю только вас. Ваша на всю жизнь Алина”.

Кнейшиц быстро вкладывает письмо в новый конверт.

Кнейшиц выходит из уборной и присматривается к проходящим по своим делам артистам. Видит Скамейкина. Он с довольно легкомысленным видом посылает воздушные поцелуи женщине-великану, которая возвращается с арены под хлопки публики.

Алина в ожидании взволнованно ходит по своей уборной.

Кнейшиц принимает решение, подходит к Скамейкину и, двусмысленно улыбаясь, подает ему письмо.

Скамейкин читает письмо.

Пока он с глубочайшим вниманием разбирает каракули Алины, проходящие на арену гладиаторы, могучие, грудастые, золоченые, в мантиях и касках, все по очереди толкают его. Но Скамейкин, потрясенный запиской, ничего не замечает

Скамейкин. “Знайте, что я люблю только вас”. Она меня любит. Меня любит иностранка.

На арене гремят аплодисменты, которыми публика встречает гладиаторов.

Торжественный марш гладиаторов.

Под эту ободряющую музыку Скамейкин за кулисами шагает с видом победителя, страшно выгнув грудь.

Скамейкин. “Ждите меня у левой кулисы”. А где левая кулиса? Ага! Если эта правая, значит это левая! (Поворачивается.) А если это левая, то эта правая. Какая странная архитектура! Там, где лево, там право, где право, там лево. Прямо диалектический материализм.

Сзади к нему подходит Раечка и закрывает руками глаза.

Скамейкин. Птичка? Кошечка? Алиночка?

Раечка (отнимая руки). Что? Какая Алиночка?

Скамейкин. Ой! Это досадная опечатка, Раечка! Ей-богу! (Скороговоркой.) Я люблю только тебя. Тебе могут сказать обо мне ужасные слова. Я не стану оправдываться. Я твой на всю жизнь.

Пока он горячится, размахивает руками, из его кармана выпадает наспех засунутое письмо. Раечка сейчас же его подбирает и начинает читать.

В это время на арене гладиаторы делают свой главный номер. Музыка умолкает, раздается барабанная дробь. Гладиатор на вытянутой руке держит всю свою семью.

Под эту леденящую дробь Раечка прочитывает все письмо.

Скамейкин, трясясь, ждет своей участи.

Дробь усиливается.

Раечка с размаху дает Скамейкину пощечину. Это действие совпадает с последним ударом барабана. Взрыв аплодисментов.

Слышится рыканье.

Униформа. Львы спущены?

Начинается бодрый марш. Раздается общий вопль ужаса. Прибегает Раечка.

Раечка. Негодяй! Кого ты здесь дожидаешься у левой кулисы?

Скамейкин. Львов, Раечка, львов. Спасите меня.

Рыканье львов усиливается. Скамейкин бежит на арену, в клетку, чтоб хоть на мгновение оттянуть час своей гибели. Зритель видит только действие, происходящее за кулисами.

Под музыку вслед за Скамейкиным ужасающей походкой пробегают львы.

С арены доносятся крики женщин и плач детей.

Новое и страшное рыканье львов.

На арену спешит с пистолетом директор!

Раечка. Они разорвут его на части!

Внезапно с арены доносится взрыв рукоплесканий.

Поджав хвосты, львы бегут назад. За ними гонится обезумевший Скамейкин.

Скамейкин. Пошли вон! Брысь! Кш-ш! Пшли, пшли!

Публика ревет. Скамейкин выбегает на арену, делает комплимент. Возвращается за кулисы. За ним бежит директор.

Директор (плачущим голосом). Разве можно на львов топать ногами! Это же цари пустыни, кровожадные хищники, питающиеся только сырым человеческим мясом! С ними надо лаской!

Директор ласкает льва.

Директор. Обидели тебя, бедного! Злой дядя обидел!

Решетки разбирают. На сцену везут пушку для аттракциона “Полет на луну”.

Появляется готовая к выходу Алина. Она нетерпеливо оглядывается, ища Мартынова.

Мартынов идет сквозь толпу артистов, низко опустив голову.

Алина бросается к нему.

Алина. Вам уже успели все рассказать?

Мартынов (показывает письмо). Это писали вы?

Алина. Я думала…

Мартынов. Я вас презираю.

Бросает письмо в лицо Алине. Общий переполох среди присутствующих.

Алина. Неужели и вы считаете, что это преступление?

Мартынов, не отвечая, уходит.

Лицо Алины. На этом кадре голос шпрех-шталмейстера:

”Последнее выступление знаменитых американских артистов Алины и Франца перед отъездом из СССР”.

Аплодисменты.

Кнейшиц подает Алине руку. Они идут на арену.

Начинается вальс.

Номер гостиницы, в котором живет Алина.

Грустная и худая, она распихивает свои вещи по чемоданам.

Неожиданно открывается дверь.

Драматическое появление Раечки перед Алиной.

Раечка. Отдайте мне моего Скамейкина.

Алина удивленно подымает голову.

Раечка. Я знаю. Вы хотите увезти его в Америку. Вы купили его своей валютой.

Алина пожимает плечами.

Алина (презрительно). I don’t understand. What want your? {7}

Раечка (ревет). Что вы там лопочете? Вы поступали со мной не по-товарищески, по-свински. Так среди артистов не делают. Зачем вы написали ему письмо?

Алина. Письмо? Мартынову?

Раечка. Какому там Мартынову? Скамейкину!

Алина. Я ничего не писала Скамейкину.

Раечка. Я сама держала ваше письмо в руках.

Алина (устало). Дорогая девочка, я писала только Мартынову. И я, кажется, напрасно это сделала.

Раечка. Мартынову?

Исчезает с такой же быстротой, с какой появилась.

Алина еще более рассеянно наклоняется над своими чемоданами.

Представление в цирке уже началось.

Антракт.

На арене монтируют установку для советского аттракциона “Полет в стратосферу”.

За директором по-прежнему плетется капитан со своей собакой. Директор взволнованно засматривает на арену.

На арене Мартынов в халате проверяет установку для полета.

Мартынов видит Раечку, которая усиленно делает ему знаки.

Он подходит к ней.

Мартынов сбрасывает халат и, надевая пальто прямо на цирковой костюм, бросается из цирка на улицу.

Директор хватается за голову и бежит за Мартыновым.

В автомобиль перед гостиницей садятся Алина под вуалью, Кнейшиц и пожилая няня с ребенком, закутанным так, что не видно его лица. Во вторую машину грузят чемоданы.

Машины трогаются.

Раечка в цирке ищет Скамейкина.

Находит его. Он сидит, пригорюнившись, на трамплине. При виде Раечки на его лице изображается ужас. И даже когда счастливая девушка уже целует его, он все еще трусливо и недоверчиво мигает глазами.

Мартынов как вкопанный стоит посреди комнаты, где жила Алина.

Никого нет. На полу валяются газетные бумажки, веревочки, всякая чепуха, остающаяся после отъезда.

Мартынов смотрит на часы и устремляется к выходу. Наталкивается в дверях на директора, который преграждает ему дорогу.

Мартынов. Пусти! Я еще успею на вокзал.

Директор сразу становится на колени.

Директор. Что ты делаешь? Ведь первый дебют. Не как человек прошу, как директор и видный общественник. Ну, пожалуйста. (Осторожно ударяется лбом о пол.) Хочешь, я могу еще раз?

Мартынов улыбается.

Директор. Вот уже лучше. В конце концов, что такое любовь? Любовь - это чудное мгновенье. А тут цирк, серьезное дело, трехчасовая программа, галаспектакль, конюшня, хищники, контрамарки, касса. Ну!

Заметив на лице Мартынова нерешительность, хватает его за руку и увлекает за собой.

Перрон.

В спальный вагон входят уезжающие американские артисты.

Кнейшиц глядит победителем.

Скамейкин и Раечка целуются взасос. Каждый поцелуй Раечка заедает пирожным. Поцелуй - пирожное. Пирожное - поцелуй.

Публика, которой надоело ждать, стучит ногами и аплодирует.

Прощальный свисток локомотива. Сейчас поезд уйдет.

Вальс. На арену выходят Мартынов и Раечка.

В последнюю минуту Алина выскакивает из вагона и бежит по перрону к выходу.

Поезд трогается.

Кнейшиц хватает ребенка и на ходу спрыгивает со ступеньки.

Он догоняет Алину. Но она уже успела сесть в машину.

Кнейшиц садится в другой автомобиль. Машины с большой скоростью едут друг за другом.

Алина в цирке смотрит из-за портьеры на работу Мартынова и Раечки.

Полет.

Происходит катастрофа.

После выстрела Раечка вылетает из пушки и попадает на свою площадку. Происходит второй выстрел, из пушки вылетает Мартынов, но на свою площадку он не попадает. Он летит гораздо выше ее.

Громкие крики. В публике люди отворачиваются. Раечка замерла на своей площадке. Громкий вопль Алины. Мартынов стремительно падает вниз, но успевает ухватиться за предохранительную веревку. Все-таки он с большой силой сваливается на арену. Сейчас же вскакивает. Он цел.

Публика еще ничего не разобрала, смятение продолжается.

Алина бежит на арену и обнимает Мартынова.

Директор (кричит). Музыку! Музыку!

Музыка расстроенно играет. Раечка, виновато улыбаясь, покидает арену. За кулисами ее встречает змеиный взгляд папочки.

Директор. Вон! Обжора! Назад в наездницы! В конюшню!

Раечка спасается от разъяренного отца.

В цирк вбегает Кнейшиц с черным ребенком.

Первое, что он видит, это обнявшиеся Алина и Мартынов.

Кнейшиц. Ах, вот как! Хорошо, вы добились своего.

Он выволакивает мальчика на середину арены. Мальчик плачет.

Кнейшиц (обращается ко всему цирку). Господа, эта женщина…

Алина. Только не это. Умоляю вас. Не губите меня. (Цепляется за него.)

Кнейшиц (отбрасывает ее). Господа, отойдите от этой твари. Она была женой негра.

Алина закрывает лицо руками.

Весь цирк давно уже стоит на ногах.

Кнейшиц. У нее есть черный ребенок.

Он подымает ребенка высоко в воздух и показывает.

Ребенок плачет. Общее молчание.

Директор. Ну, и что же вы хочете?

Кнейшиц. Черный ребенок. У женщины белой расы черный ребенок. Ей не место в цивилизованном обществе.

Фигурантка. Ребеночек! Мальчик или девочка?

Алина (сквозь слезы). Мальчик.

Кнейшиц. Ей не место среди нас.

Директор. Он дурак! Политграмоты не знает.

Все начинают смеяться. Смех разрастается. Алина отнимает руки от лица и с недоумением оглядывается вокруг.

Кнейшиц. Почему вы смеетесь, господа?

Директор. Вы что хочете, чтоб мы плакали?

Алина. Что это?

Директор отбирает у Кнейшица ребенка, целует его.

Директор. Это значит, мой бедный шестидюймовый снарядик, что в нашей стране любят всех ребятишек. Не делают никакой разницы между беленькими и черненькими. Рожайте себе на здоровье сколько хочете - белых, черных, синих, красных, хоть голубых, хоть фиолетовых, хоть розовых в полоску, хоть серых в яблочках. Пожалуйста. Будьте здоровы.

Алина. И Мартынов тоже так думает?

Мартынов. У нас сто шестьдесят миллионов так думают. Вы уезжаете, Алина?

Алина. Нет, я остаюсь здесь навсегда.

Директор. И будете делать полет в стратосферу?

Алина. Да!

Директор (ликуя). Вот видишь, Мартынов. Я говорил тебе, что любовь это великое, могучее общественно полезное чувство. (Возглашает.) Товарищи, полет в стратосферу со-сто-ится. Прошу занять места.

Отправляется за кулисы и вытаскивает оттуда “неустрашимого капитана”.

Директор. Иди, иди, займи публику на десять минут. Валяй. Все тебе дам. Вот такими буквами буду печатать.

Капитан и его собака, дорвавшиеся наконец до публики, делают чудеса. Собака прыгает через руку и громко кричит:

- Люблю! Елки-палки! Фининспектор!

Полет в стратосферу возобновляется с участием Алины. Песенка Алины на русском языке. Полет заканчивается тем, что Алина спускается из-под купола на громадном парашюте. На земле парашют ее накрывает и превращается в громадную юбку, из-под которой возникает кордебалет с воздушными шариками.

Танец.

Шарики подымаются в воздух и взлетают под крышу, где на вышке для прожекторов притаились, обнявшись, Скамейкин и Раечка.

---

1 Деньги!

2 Это не все. Где остальные?

3 Это невозможно! У меня больше нет!

4 Что вы хотите? Почему вы ненавидите меня?

5 Я люблю вас.

6 познакомиться с мистером Мартыновым.

7 Я не понимаю. Что вы хотите?

Под куполом цирка. - Публикуется впервые. Создан в 1935 году И.Ильфом, Е.Петровым и В.Катаевым на основе их одноименной пьесы.

Премьера пьесы состоялась 23 декабря 1934 года в московском театре Мюзик-Холл. Критика охарактеризовала ее как удачную попытку создать оригинальный советский спектакль-обозрение. 27 декабря 1934 года А.Гарри писал в газете “Известия”, что пьеса “Под куполом цирка” помогает вытеснить из репертуара московского Мюзик-Холла традиции буржуазного ревю.

Сюжетная схема пьесы без сколько-нибудь существенных исправлений была перенесена в сценарий Ильфа, Петрова и Катаева. Остались неизменными конфликты. Большинство действующих лиц также перешло из пьесы в сценарий, иногда только сменив фамилии.

По сценарию Ильфа, Петрова и Катаева режиссер Г. Александров поставил кинофильм “Цирк”. Во время съемок Ильф и Петров находились в Америке. Писатели вернулись на родину только в конце февраля 1936 года, а 28 января “Комсомольская правда” сообщала, что “режиссер Г.Александров уже закончил съемки картины и приступил к ее монтажу”.

Многие изменения и переделки, внесенные режиссером в фильм без ведома авторов, Ильф, Петров и Катаев не приняли. В мае 1936 года фильм вышел на экраны без упоминания имени сценаристов.

Фильм “Цирк” имел большой и заслуженный успех. Его живой, неподдельный юмор был высоко оценен зрителями и критикой. В статье “Новые комедии на экране” Д.Заславский писал 15 мая 1936 года в “Правде”: “Картина построена на том же сценическом и литературном материале, что и постановка в Мюзик-Холле “Под куполом цирка”… В простой, невзыскательной форме, доступной для самых широких кругов зрителей, комедия доносит большие идеи интернациональной солидарности…”

В рецензии на кинофильм, опубликованной в “Известиях” 23 мая 1936 года, братья Тур писали: “Как разительно отличается эта комедия от бесконечной вереницы бездумных заграничных “комедий”, полных водевильной чепухи и пафоса подзатыльниников! “Цирк” - умная комедия, адресованная к интеллекту и чувству советского зрителя”.

В истории развития советской кинокомедии фильм “Цирк” сыграл значительную роль.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (1821, 47). В рукописи есть неразобранные слова. На их месте в тексте ставится [1 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.